सत्यात् नास्ति परो धर्मः
НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

ВЕСТНИК ТЕОСОФИИ

XXI век №4

Содержание

Москва
2009

С. В. Герье

ЗЕРЦАЛА МУДРОСТИ

Часть I

1.

Величие духа в человеке не зависит ни от его положения внешнего на земле, ни от его сил внешних: культуры и образования. Оно принадлежит аспектам Вечного, носимого *каждым* в равной степени.

Величие духа не только в человеке земли разно, но и во всех людях неба разно выражено и разно подано *действенным* трудом.

Условных устоев нет во всей вселенной. Всё, что живёт — всё движется только так, как живая любовь в себе может включиться в движение Вечное.

Нет возможности человеку земли прочесть в зерцалах откровений *более* того, что *он* выработал светом Любви в себе.

Каждому человеку путь в вечности один: он *сам* должен прочесть огненное письмо в храме откровений и познать в нём свой путь радости *единения* с трудящимися освобождёнными членами Светлого Братства. Но *сам читает* каждый, кому дано прочесть *во всякой форме*. Ибо развитие зрения и слуха приходит по карме веков. А *путь* совершенства — по развитию *в себе* сил Любви.

Защита встречного от налётов дисгармонии в нём — обязанность каждого, кто прочёл первое слово Зерцал Мудрости.

Прост и радостен путь того, кто понял *в себе всё* откровение, всю силу и весь *смысл* жизни Земли.

Тот, кто ещё колеблется в своей верности Учителю вечности, тот не открыл в себе силы единящей, силы огня творчества, ведущей всё человечество вселенной к любви и радости.

Опытов нет выбираемых пристрастно. Внешняя жизнь — не личное достижение, но подаваемые владыками карм *нити* вечного труда самого человека. И до чего доведёт он свой труд внимания, та — гармоничная нить веков — ему и подаётся для вплетания её в дела земли и ещё большего развития личности — или отрешения от неё.

2.

Свет и путь неразрывно слиты. Ибо путь есть человек, а Свет — Единый в нём.

Но лишь тот есть *Путь*, кто в своём сердце осознал *встречного* искру Света. Кто может во встречном прочесть *всегда его* Любовь; кто может поклон его огню *прежде всего* при встрече отдать, — тот постиг царство *единения*, царство счастья; тот понёс *равенство* в мир, ибо в себе и ближнем оживотворённое сияние понял, принял и благословил.

Кто осознал *действием* в себе Любовь, тот не может более *осудить* встречного. Тому не надо *учиться* заповедям; он аспект Единого *живой* несёт, и день его труда на земле — песнь общая счастья в творчестве с живыми силами неба.

Читать Зерцала Мудрости есть сама ожившая Мудрость в сердце. Нет «ведущих» к алтарям Мудрости. Есть гармония обоих начал в человеке, где животная часть передала все страсти части божественной в себе и взяла все силы любви из неё, чтобы остаться земным слугой светлому братству.

Развить в себе силы оккультные слуга Учителя должен только если Учителю они надобны. И в каждом отдельном случае ученичества — свой, особый, иной, непостижимый для другого путь земного и небесного слияния и совершенства.

Те, кто введён Учителем в 5 ступень, переходят грань человеческого бытия. Им *все* пути их встречных не только видны, но в *них* созрели силы для *вбирания в себя* полностью аур их; для вмещения в себя всей скорби, слёз и радостей встречных, для слияния их — через свои ауры — с аурой и Любовью Учителя.

Те, кто непосредственно читает и пишет Зерцала Мудрости — бдительны будьте, ибо через вас *Слово Вечности* нисходит к земле. И если нарушите в себе гармонию — нарушите путь *передачи* Света. *Мощь* мысли и *значимость слова* помните всегда; и готовьтесь понять радостно, что есть символ Любви, который скрыт в каждом слове. Ибо в храме оккультных наук необходимо уметь молчать и действовать, всегда бдительно распознавая, *где* идёт сила Учителя.

3.

Читает Зерцала Мудрости тот, в ком зеркало сердца может отразить чистоту сердца Учителя. Подать лист Евангелия серого дня, сверкающий весёлым смехом, лёгкою радостью общения может тот, в ком цветок его сердца не нужно Учителю подкреплять Его мужеством.

Мужество не есть ни храбрость, ни героизм. Мужество есть слагаемое из всех, достигаемых бесстрастием, качеств. Оно есть аспект Единого и растёт на чистоте. Мужество тех, кто читает Зерцала Мудрости, равно труду внимания творчески развитой Любви-Воли.

Воля-внимание и Воля-Любовь — слагаемые бесстрашия. И бесстрашие, как аспект верности и уверенности, идёт могучим руслом Света из *единения* с Учителем.

Единение с людьми невозможно, если в человеке нет мужества. Достигший единения с людьми — входит в единение с трудящимися неба. И они для него не мистика и сверхзадание, но простая через него выполняемая нужда текущего часа. Не может, живя на земле и по законам земли, знать человек, *где* его назначение *выполнять* труд светлой общины. Но *должен везде* сиять Свет, через ожившие аспекты Единого в себе.

Нет путей ученику *вредных* или губительных. Есть *вековой* его путь, входящий в то или иное *новое русло* разрушения личности. Пути вырабатывания героизма и гармонии сил для подвига нового слияния в труде земли и неба. Для творчества кооперативного в мужестве мудрости.

4.

Раскрыть очи тела и прочесть огненное письмо Зерцал Мудрости — невозможно. И объяснить кому-либо, *как* читаешь — тоже невозможно. Хранить тайну чтения и письма — такая же обязанность, как вежливость с глухими. Наш гонец не кричит на базаре, но ве-

село движется среди суеты и уединения, не делая разницы в путях того или иного внешнего единения с людьми и с нами.

Разбивать кучи мусора и предрассудков не значит взять палку и ею бить по больным местам своих встречных. Это значит лаской, примером чистой любви Учителя вносить гармонию в раздробленное предрассудками сознание встречного.

Тот, кто прочёл страницы сияющие Зерцал Мудрости, тот взял на свои плечи *обязательства* радости и счастья знания, *как* подать помощь каждому встречному. Тот, кто прочёл Зерцала Мудрости, вошёл в преддверие 6 ступени, в те сени храма оккультных наук, где должно начаться его им обучение. Тот, кто увидит святящиеся знаки Зерцал Мудрости, должен в своём сердце найти новое блистание творчества и оставить всё личное понимание времени и места.

5.

Огонь, в сверкании коего блестят немеркнущие знаки Зерцал Мудрости, должен сверкать в сердце ученика. Нет чудес. Есть сила Света в себе горящая и мчащаяся во встречу каждому радостно. Радость — не качество характера, но аспект Единого, в себе носимый и из себя творимый.

Встреча есть Единого улыбка, и *иной* встречи нет ученику верному. Улыбку же Единого не устами и словом рождают, но *через* огонь сердца своего — в сердце Единого своих Учителей обретают. И потому никогда не бывают ни беспомощны, ни разъединены ни при каких встречах и делах. Уносит в себе всегда ученик радостный своих встречных сомнение и бунт. Ибо *вся* гармония его влита в ауры Ведущих его. И огонь Их слит с его телесным проводом.

Ища обретают, стуча входят, а любя — побеждают.

6.

Поисков Мудрости не знает тот, в ком рождено новое сознание Единой Жизни. Его день — простое сплетение токов двух миров в действие лёгкое и радостное *в том месте* времени и пространства, где он *сейчас* живёт условно. *Сила* же его, им двигающая, в *сознании* своего труда и творчества без времени и пространства.

Принести *земле* силу Мудрости Учителя — задача всех учеников. Но задача *самого* ученика — осознать в себе единственный для себя *внутренний* путь. А *приложение его* к протекающему дню — создать не обузою, а радостью. Через долг и обязанность нельзя дойти до великих чести и честности, в которых должен идти свой день ученик. В его труде они — аспекты Единого. Их можно развить только *в освобождённом* сознании. Достигать освобождения — не значит *сбрасывать* с себя внешнего труда обязательства. Это значит *нести* их, весело смеясь.

Пороки встречного нельзя исправить моралью прописей. Их можно только силою Любви-воли Учителя сотрясти, как гнилые груши. Но развивая в человеке страх повиновения, можно только *вколотить* глубже все пороки и *закрыть* все щели в ауре, куда могло бы проникнуть влияние Любви. Лить Любовь-милосердие и Любовь-неосуждение — вовсе не пассивное действие. Велика помощь всех тех учеников, в ком живёт радость и *стойкая верность*. Ибо через них входит сила Духа Животворящая.

7.

Зерцала Мудрости — не заповеди скрижалей Моисея. Они — законы вечности. Из них извлекают величайшие герои и вожди человечества те истины, что данному времени и месту настал час сознать.

Нужда пробившего часа — это то движение Духа в человеке, до которого созрела масса людей, и через которое ей пройти необходимо к следующей ступени красоты и мощи. Нет *поворотов* в Движении Вечном. Только видимое человечеством, назревшее мгновение эволюции Вечного, принимается им за революцию, смерть и разрывы сознания.

Нужда пробившего часа не может остановиться от того, что не все люди — в этот час живущие — поняли и приняли, раскрывши *свою* любовь, эту лавину обновления духовного.

Текущий час жизни человека — не его награды или наказания. То его единственный труд: передача Жизни в себе носимой — каждой встречной Жизни, в *другом* заключённой. И только такая сила и форма единения сготовит путь Света из всех сил людей общающихся.

8.

Сила человека развивается всегда. Остановок в развитии духа человека быть не может. Только те печальные случаи идиотизма и безумия людей, где остановка роста происходит в духе, завершают собой цикл кармического круга зла.

Всё движется только так, как сила любви в себе может включиться в движение вечное. Если человек шёл много веков по оккультизму зла — и нашёл в себе силу от него отречься, нашёл в сознании своём Свет и захотел в нём жить — он приходит на землю без ума и памяти, и в полубезумной форме сжигает остатки тьмы своих трудов в веках. Но светлая община его уже защищает, и вводит в Начало его Божественное первые основы сил светлых.

Никто не может судить встречного за его несовершенства; ибо только *полное* знание открывает тайну мрака в каждом. *Зная* в себе всё, что вводило в красоту или скорбь, надо жить той минутою формы встречного, в которой он подошёл в данное «сейчас».

Нет человеку-ученику 5 ступени выбора встреч и людей. Его труд — тень труда Учителя. И в каждом живом существе всей Вселенной лежит именно то зерно, на которое *должен* упасть луч Света Учителя; если владыки карм столкнули его тропу с путём ученика.

Вход во храм, где сияют огни Зерцал Мудрости, есть преддверие великого храма оккультных наук. Но есть ли в них люди, жаждущие обучиться тем или иным знаниям?

Храм оккультных знаний есть только параллельное движение движению самого ученика по пути развития Любви в себе.

Каждому оживающему аспекту Единого в себе отвечает оживающий огонь письма Зерцал Мудрости. И путь знания всегда один: постигая в себе, расширяет человек и круг своего влияния вовне.

9.

Сила человека не в количестве его познаний, но в качестве тех выводов, которые он сам внёс в опытное действие своего дневного труда. И труд человека только тогда будет результатом действий живых аспектов

Единого в нём, когда он из знаний своих не цель, но средство жить в чистоте и мире создал.

Переходов со ступени на ступень знания — без параллельного оживления в своём сердце аспектов любви — нет ученику, брату светлой общины. Только тёмный оккультизм развивает свои знания на упорстве воли и остаётся сердцем вне закона любви, вне радости.

Проходя день труда земли, человек должен идти, живя всеми своими силами. Нет запретов светлому брату переживать все человеческие страсти; но страсти ученика всегда сияют добротой, честью и героизмом самоотвержения. И вносит мир во все атмосферы житейской розни, где приходится ученику жить. Есть ступени столь высокие восхождения ученику, где уже невозможно жить в страстях. И тогда закон вечный и единый всему человечеству Вселенной — закон беспрекословного повиновения — вступает в силу.

Целомудрие налагается не звеном наказания или испытания на ученика. Оккультных нет законов Света, имеющих в себе возмездие. Все оккультные законы подчинены одному закону — закону Любви: как подать каждому его наикратчайший путь к единению с людьми и тем войти в неразрывное единение с нами.

10.

Зерцала Мудрости — заповеди счастья — оставляли те, кто входил в чистоту Вечного своею чистотой. Те, кто переходили в радости в ступень Божественного слияния с Единым, те оставляли памятник своей благодарности за ними идущим. Каждый, поднимаясь на ту вершину, где его знания сливались с Любовью Вселенной, оставлял всем — за его верностью следовавшим — слово своей любви им; и подкреплял их верность своей раскрывшейся чашей сердца, вместившей всё знание земли и неба, что̀ есть *все* аспекты Единого, ожившие и творящие.

Зерцала Мудрости — не заповеди условные, которые надо заучить и *перешагнуть ими* через препятствия земные. То степень благоговейного желания одних — освободившихся и достигших — помочь другим, за *их* верностью идущим, в *себе* отыскать источник движения вперёд и выше.

Каждому человеку, доведшему свой труд внимания до совершенного самообладания в каком-то секторе его дарования дано *именно* через *этот* сектор постичь величие Жизни и рассказать о нём *своими* словами; в своей *индивидуально-неповторимой* форме современному, далеко в этом секторе труда отставшему человечеству. И то путь Света всех наук и искусств Земли.

Слово Вечности передаёт каждый, в ком внимание *помогло* подняться к великой *области* отрешения и забвения себя. Ибо слово творящих сил может двигаться к земле *во всех формах* человеческих пониманий, но *двигающий* должен иметь в себе развитыми аспекты Единого. А они *живут* только там, где *вмещает* сердце человека всё человеческое, ибо ничто личное не мешает его творчеству.

11.

Начала, в человеке лежащие, идут из обеих его частей — животной и божественной. И борьба в человеке идёт до тех пор, пока не оживут все аспекты Единого в человеке. Не сердце и мозг борются, но в мозгу человека мысль вечности не доходит до понимания в себе самой всей Вечности.

Как только человек начнёт привлекать свой труд внимания к каждой радости текущего мгновения, а не к скептицизму, вызывающему личность к интенсивной жизни, так день его труда станет единящим окружающих магнитом.

Перенося с места на место все свои недостатки, нельзя двигаться к началу освобождения; ибо оно только от личности, горящей или умирающей в себе зависит. А личность живёт страстями животной части и творческими порывами части божественной. Когда страсти перейдут в силу радости, а порывы — в силу творчества, гармония установится независимо от внешних условий жизни человека земли. И тогда часть божественная засияет, включив в себя силы части животной и усилившись ею. Но не поработив её — ибо рабства не знает путь Света. В нём всё побеждается любя.

12.

Мгновением, короче блистания молнии, идёт жизнь земная человека. И слабость человека, не постигшего Всего в себе, так велика, что горе и скорби дня кажутся ему давящим игом. Тот, кто постиг в себе иго Света и Любви, не замечает боли ни внешней тяжести своего дня; ни окружающие его не давят в нём духа: ибо дух его — его Свет оживотворённой Любви.

Нет возможности прочесть самому Зерцала Мудрости — слово-мощь, или мощь в себе, нуждается в постоянной внешней помощи. Сила человека должна вырабатывать привычку жить нераздельно в той атмосфере, где творческая рука Жизни подала ему своей силы знак: письмо огня. Если ты однажды увидел письмо огня, то ты поднял завесу вечности; ты стал сыном Единого, размножившего свою кровь в миллионы живых огней. Будучи горящим факелом-сыном, носи отца печать, и зрением Его подавай мудрую помощь. Помощь же Мудрости ты окажешь тогда, когда в себе понесёшь ту радость, что не омрачается от встречи со скорбью. Ибо Радость-Любовь есть аспект Единого, который не умаляется и не меркнет, хотя бы тысячи огней зажёг им ты в единое мгновение.

И то мгновение, когда мы сумел зажечь радостью встречного сердце, всегда есть мгновение развития нового сознания в нём, хотя бы ты и он и не осознали нового пробуждения аспекта Единого в нём.

13.

Красота в земной жизни человека только тогда войдёт в действие его труда вечности, если она станет ожившими аспектами Единого. Тогда человек в красоте и гармонии своей создаёт путь радости всем его окружающим. И красота становится новым стимулом единения; новым пробуждённым обаянием человека.

Если Учитель вливает силу своего обаяния своему ученику и научает его бдительно распознавать пути творчества, *где* надо подавать условному и временному в человеке, — обаяние вечной доброты, — там в сознании *своём* ученик должен достичь такого самообладания и мира, чтобы обаяние стало не качеством характера, но аспектом Единого, в себе носимым и из себя творимым.

Слава и авторитетность ученика не имеет значения для обширности труда Учителя через него. Не широта внешней известности ученика, но глубина чистоты сердца и твёрдость верности хранят его гармонию. И только *гармония* человека — путь Света для труда Учителя.

Тот, кто вошёл в 6 ступень, тот начал обучение оккультным наукам; ибо Зерцала Мудрости стоят их началом и завершением.

Кто начал *читать* Зерцала Мудрости — *тот начал* путь ученичества. Кто их *вместил, понял, принял* и *благословил*; кто их отдал *действием* труда радостного, — тот *завершил* путь своего человеческого бытия и стал Сам Живою Силою Света.

14.

Прекрасное в самом человеке рождается из освобождённого сердца человека. Только *осознав* в себе порывы мощи творчества — без ограничения времени — можно пронести понимание Реального в быт окружающих. Не бывает обихода земли случайно сложившегося. Всё приходит по действию закона целесообразности. И только тот, кто проник в сознание, что всё в нём, а не только *его* энергия приспособлять личности своей данное и через неё входить во внешнее единение, только тот может вступить в труд *цельного* внимания. И *однажды* в него вступив, начинает вносить все осколки пробуждающегося в нём Единого через аспекты *именно* те, которые легче всего и проще всего — по самой короткой дороге — можно вплести в труд серого дня.

Моменты *созревания* сил в человеке — всегда этапы его внешней жизни. Ничто не стоит на месте. Всё движется путями горя или радости, как кому *короче*. И всё входит в Движение Вечное только тогда, когда понят, принят и благословлён каждый этап серого дня или блестящего существования.

15.

Проходя ступени ученичества, может ученик прочесть в Зерцалах Мудрости только то, до чего созрели его духа очи. Дальше тех ступеней, в которых он развил и укрепил свою верность и деятельности в ней, прочесть он не может. Но вести в деятельности неразрывной творчество дня с Учителем он будет всё дальше и дальше. Огонь же немеркнущих Зерцал Мудрости засверкает *ему* тогда, когда в его делах земли и неба труд составит истекшую ступень совершенства. Ибо тот *овладел* даром, кто его осознал простым действием серого дня, в котором нет ни загадочности, ни сверхъестественности. Но простые дела любви серого дня.

16.

Раскрывается чаша сердца человека не под светом сияющего счастья личности, но под лучами Любви, проникающими к высшим силам в сознании: благородству, состраданию, всепрощению.

И не под *давлением горя* начинают *сверкать* радости силы — господне вино. Но под силами сознания, *отдавшего* личное понимание времени и места; и заменившего их вечною неразрывною связью с Тем, что не имеет ни времени, ни места.

Закон движения Вечности — один: радость. И только те силы *движут* человека в вечном, в который действия его легки и просты.

Встречи, несущие в себе гнёт и тоску невозможны для человека — ученика 6 ступени. Там, где слилось в нераздельное общение понимание труда земли как своей нити труда вечного, не может быть колебаний и провалов в бездну горя от тех или иных причин. Там всё идёт только по красоте, влившейся неразрывно в ауры Учителей. И только великий мир сердца наполняет и очищает всю атмосферу, где идёт ученик.

17.

Сверх человеческих сил ученика земли не налагают испытаний владыки карм. Нет цепи бессмысленных страданий, как нет и робости в ученике, если он входит в новое и незнакомое ему окружение. По ступеням ученичества земли движутся не по выбору; но только из гармонии каждого ученика сплетается венец огней, невидимый в атмосфере земли. Краски и тона, их звездообразная или коническая форма, — всё указывает само, без обетов и клятв, что сделал и чего достиг ученик.

Раскрытия тайн эзотерических наук не существует в Пути Света. Все тайны в самом человеке, и только ведущие его Милосердные и Самоотверженные помогают ему не на костылях условного ходить, но открывать трудом внимания вечное в себе.

Роль Учителей и руководителей не случайно выброшенная в мир сила, но сила самих учеников, притягивающая те единицы Вечного, к гармонии которых они могут подойти и не быть разрушенными. Ибо их Любовь в себе защитила их от Огня Учителя.

Огонь Учителя смертелен каждому, к ком гармония колеблется. Только развитое мужество, как аспект Единого *живой* действующий, может выдержать Свет Учителя. И засияет ярче ученик, если *радость* слила все *его* аспекты Единого в лёгкость и смех.

18.

Сила учеников не из одних их сил растёт. Начиная с 1ой ступени ученичества человек вносит в свой труд дары каждого из своих учителей и водителей. Не только их любовь создаёт ученикам атмосферу защиты, но и их простая серого дня жизнь идёт параллельно деятельности их старших братьев.

Нет разделения в трудах ученика 6 ступени от трудов его Учителя. Ибо не земля является для него центром вдохновения, но в плане своего Учителя, в плане духовном он берёт все основы к творчеству и несёт их земле, навеки радостный и счастливый, ибо в сердце своём вскрыл Единого, и Им общается и с Учителем, и со всеми встречными.

Радость сияет каждому, кто видит во встречном Вечного момент. И только тот может разделить в себе вечное от временного, кто в Учителе понял его Единого и кто во встречном признал себе равного.

Равенство человека земли, им самим поставленное краеугольным камнем в своём сером дне, не идёт из основ божественной части его. Ибо в божественной части нет тех сил, что живут по законам земли. Они все — Любовь. А её огонь горит везде одинаково, и только костёр пламени больше или меньше. Равенство идёт из части животной человека, где и законы соперничества, страстей и сравнительных ступеней существуют как личные достижения.

Нет равенства на земле в силах ученика только до тех пор, пока он не осознал *центра* всей своей деятельности — духовного плана. Тот, кто слиянно с Учителем творит, понимает, *кто* в нём творит, понимает себя звеном цепи, и понимает им же встречного. Хотя бы моменты жизни в вечном были равны.

19.

Зерцала Мудрости — не зажигающиеся и меркнущие знаки: то *вечный Свет*. То не коллекция заповедей, то оставленный живым аспект Единого, до гармонии ко-

торого дошёл человек земли. Только теми, кто начал своё ученичество с первоначальной *человеческой* формы, оставлялись записи Зерцал Мудрости. Только теми, кто прошёл *всю* жизнь земли, *всю* её скорбь и всё блаженство, оставлены разнообразные пути к освобождённому движению за *их* верностью следовавшим своею верностью и радостью.

Переходы людей, живущих всеми страстями и ставших отражением Жизни и её творчества, идут с такою же интенсивностью всё дальше и выше, как и переходы самих неофитов, едва начавших различать в себе и встречном вечное от условного.

Не имеет значения во вселенной то место, где трудится человек, дошедший до той или иной точки *своей* эволюции. Он — *чело*, идущий века. Для него нет ни начала, ни конца; он — Жизнь, и живёт в ней, как луч в солнце. И как бы огромен ни был луч, он только отражение сил солнца.

20.

Зерцала Мудрости стоят началом и завершением оккклытных наук. Но что составляет оккультные науки, в силах человека таящиеся, и ни в чём другом, кроме духа человека не существующие? Оккультные науки — Единый в человеке. Есть оккультные науки тьмы, имеющие основы *не* в радости — аспект Единого, а *гордость* — аспект высокой личности, доведшей до полного самообладания все свои силы воли и разума.

Оккультные науки Света несут людям освобождение, смех, любовь. Оккультные науки Тьмы несут людям натиск воли, месть, закрепощение, власть эгоизма. В оккультных науках Света *звенят* сердца от энергии творящей силы Единого в себе, и творчество его единит всех людей без времени, места, пола, возраста, наций и вер.

В оккультных науках тьмы твёрдо закрепощено место и время. Твёрдо выявлена, отшлифована воля, и грани её *разъединяют* отдельные личности и их группы в мелкие общества, не допускающие к своим «тайнам» никого без обетов и клятв, в которых отдаётся в полную власть водителя тьмы вся жизнь человека. И всегда награды и наказания идут ограждающей цепью тьмы.

В оккультных науках Света та же *радость* ограждает цепь своих детей, которая стала живым аспектом Единого.

И цепь ограждения — верность.

Часть II

1.

Мир-вселенная — не то, что видят очи тела человека. Но то, что живёт в каждом человеке, что едино и равно во всех формах, живущих во времени. Оно живёт и движется *без* времени. И если хочешь его в себе постичь, открой Любви и радости своё сознание. Их найдёшь, забыв осуждение ближнего.

Равенство людей — незыблемый закон людей. Но его постигает тот, кто легко и просто отдаёт преимущества внешние своим окружающим. Ибо отдавая физическую мощь страстей, приобретает зрение, ведущее к творчеству духа.

Раскрыть в себе силы к чтению огненного письма нет иной возможности, как понять в себе обаяние Доброты вечной. Она не судит, но радуется пронести жемчужину новую, через своё сердце созданную, из слезы встречного в красоту, всем принадлежащую, всех облагораживающую, всем любовь и мир в себе вскрыть помогающую.

Победить в себе страсти нельзя. Но каждый раз, что ты не слезою, но мужеством встретил слезу встречного, ты отдал ему часть сил творческих. И часть страстей в тебе перешла в освободившееся место в сердце твоём. И гармония твоя отразилась в ауре ещё одним лучом, нового, ожившего в тебе аспекта Единого.

Храм оккультных наук Света не таинственное место, где собираются достойные и достигшие. Нет запретов, ни затворов, ни стен, его защищающих. Защита его в оккультном законе: то, что может в себе познать Единую Жизнь, войдёт в её храм так далеко, как чистота Любви его пропустит.

Нет законов *разных* для жизни земли, неба или подземных сил. Всё носит в себе *только* Единую Жизнь и всё растёт только на чистоте.

2.

Испытаний нет, которым подвергает светлая Община своих учеников. Есть только та или иная форма внешнего общения с людьми, которую сам человек соткал из своих духовных сил. Нет Учителей суровых или милостивых, строгих или поблажающих. Есть только в самом человеке огонь взрывающийся или ровно горящий, и потому нуждающийся в фитиле длинном или коротком, в лампаде хрусталя, фарфора или глины.

Провод достигает высоких ступеней не потому, что в его очах, руках и сердце горит творческое пламя вечного. Оно горит во всём живущем. Но потому, что в его сознании мир и уравновешенность вышли из полного самоотвержения, из слияния своей личности с великой помощью Учителя, т.е. из забвения себя и мысли о его труде.

Разворачивается панорама знаний перед учеником только параллельно его забвению себя. И это забвение выходит не из обетов, а из сил его мужества. И только мужество — та доска, по которой идёт ученик, мост над бездной, где его манят все страсти заманчиво маскированные тьмой.

Но ученик 6 ступени — сам манок красоты, и всё, в чём сверкает страсть, меркнет не только в нём, но и в его атмосфере.

3.

Гроза в сердце от раздражения личности ничуть не менее сокрушительна, чем гроза в природе. И как гроза, личностью вызываемая, всегда имеет свои причины в страстях животной части человека, так и гроза в природе всегда вызывается борьбой страстей зон надземных.

Завоевания Духа в человеке идут не только из раскрывшегося сознания, но и из разворачивающейся всё более утончённой жизни в Красоте.

Красота не идёт без параллельной победы в духе. Только тогда сердце может рождать *прекрасное*, когда оно доступно *чистой* мощи творчества без времени и пространства.

Когда творящая сила человека живёт в давящей атмосфере личного, он *не может* подать прекрасного, а подаёт только суррогат его — красивое, что назвала таковым земля. Но *земля*, не оживотворённая Движением Вечного, но ищущая выложить *«себя»* в законах условного — земля *жаждущая угодить* земле и *получить* её награды и ценности.

И творящий в *этих* условностях внёс не те основы *безбрежного* знания Вечности в себе и каждом, что Учитель помогал ему постичь, но те силы величия и шлифованных граней *личности*, до которых смог подняться в завоеваниях личности человек.

4.

Разбить нервы и выйти из здравого смысла может только тот, кто понял однажды путь Истины, принял его, в него вошёл, прочёл много слов Зерцал Мудрости и отошёл вновь в эгоизм, соблазнившись личности сверканием и властью. Тот, кто чередует свои дела между Светом и тьмой рассудка, осторожен должен быть всё той же стремящейся к сверканию личности.

Забавлять окружающих анекдотами — не юмор; юмор не наносит обиды встречному, он не имеет *жала личности* и потому не может ранить. Только тот, в ком чисто сердце и освобождено сознание, знает, что такое юмор. Ибо его речь потеряла способность наносить обиду встречному.

Оружие ученика 6 ступени — его речь, всегда сверкающая Мудростью Учителя, ибо в нём не живёт ничто, кроме любви и всех её аспектов. Внимание ученика 6 ступени всегда аспект Единого, в котором идёт его труд с Учителем. И оно же, вмещающее в себя встречного, залог его ауры.

5.

Сила *страданий* человека, идущего *кратчайшим* путём свой путь земли, равна смерти. Только пережив день своих похорон, сложив в костёр все страсти и благословив огонь, испепеляющий всё личное *может пройти* человек к порогу ученичества; и великий страж порога молча отодвинется и пропустит его, не открыв ему своего ужасного лица.

Те страдальцы, что лишают себя жизни, видя в своей смерти возможность *освободить* кого-то — проходят в сон безмятежный всех самоотверженных. И если есть на земле благословляющие их сердце, то сон их проносит их выше и дальше. И если оставшиеся их друзья или близкие входят в ученичество и несут их благословения — память об их труде, они просыпаются и вступают в новое воплощение, имея счастье претворить слёзы о них в жемчуг драгоценной чашей своего сердца.

Прохождение воплощения учениками 6 ступени должно быть *так активно*, как его смирение *действенно*. *Энергия действия смиренного* — это этап полного *освобождения*. И не имеет позыва к *выбору* освобождённый, ибо выбирает *личность*, а отдаёт Единый, оживший в человеке.

6.

Разбросанных *бессистемно* психических сил нет на земле. Как в симфонии вселенной учтена каждая нота каждого звучащего сердца, так и каждая психическая сила учтена владыками карм для того или иного труда и для возможностей наиболее целесообразных его.

Рассыпанных по слепым случайностям перлов Мудрости того или иного напряжения — не бывает. *Сила* блистания Мудрости в каждом — только *его* труд внимания; и не может человек вернуться туда или сюда, как и быть изгнанным откуда-либо, только по сочетанию слепых случайностей. Всё свершено в строгом законе целесообразности — чем дошло до земли и вызвало ту или иную оценку справедливости.

Внешняя справедливость не ложится в дела Вечности. Вечность её не знает. То иллюзия страстного сознания человека. И по мере освобождения от страстей сознание человека расстаётся с иллюзией справедливости. И вместо неё сияют сострадание и внимание — Любовь.

7.

Творящее сознание живёт в каждом существе земли. Ибо ничто на земле не лишено дара духа; и если ни в чём не может служить человечеству или своем роду или племени — вносит дар жизни физической в другое существо и опекает его своими заботами и любовью.

Нет творчества — наград. Творчество добыто каждым из его собственного труда внимания; и только того силою он может творить, которая в нём достигла отрешения от эгоизма.

Гений — это тот, творчество которого может входить в круг великих сил, не имеющих личного. Постигать *их* огонь может тот, кто в себе очистил очаг безличного и бескорыстного, радостного понимания прекрасного. Он может только моментами, которые зовёт вдохновением, входить в *это* единение с Силами чистоты. Но всё же *только* в них он может выхватить мгновения истинно прекрасного и снести их земле в воспоминаниях.

Если же *торгует* своим вдохновением, то не может войти в *цельное* внимание и пронести всё то, что живёт и заложено в нём, ибо эгоизм страстей вбирает в себя вторую половину его дара.

8.

Красота, которую вносят в жизнь люди, никогда не будет красотою Вечного Движения, если она не выходит из гармонии *всего* существа человека. Только то из их трудов красоты войдёт в столетия, на чём легла печать вечного, созданного в *себе* самим человеком.

Пронося свой текущий день, человек поздно понимает, что *его* день — это *он*, и что не может быть иных творцов его дел и сил, в них живущих, кроме него самого.

Мгновение смерти человека всегда мгновение величайшей Мудрости и тишины, если страх не влечёт человека в область фантазии, где он *не может* различить среди криков своих страстей зова великого Безмолвия. И тот зов — всегда радость, всегда счастье, всегда успокоение. Страх, сжимающий сердце *неуязвимой* чести, часто преследует человека в форме преувеличенной любви и забот о близких. И *эти* условности должно сбросить освобождённое сознание; и через *них* должно перешагнуть *независимо* мыслящее существо, входящее в те или иные рамки сияющих аур Учителей. Ибо *рамки* эти устанавливает *их* зависимость от ширины мысли и раскрытого ей Любовью горизонта.

9.

Чтение горящих стен в храме оккультных наук — не привилегия одних или других, высших или низших, имеющих то или иное *происхождение*. То только ожившая часть Равенства, во всех заложенная. То та Реальная ценность, чем все люде земли проходят вечность.

Нет на земле родившихся из чрева греха и плоти, чьё происхождение исходит от ангелов или дэвов. Только *люди рождают людей*. Только Свет в каждом из них есть их Истина, им принадлежащая, неотъемлемая нигде и никогда.

И только через великий Свет в *себе* люди могут достигать состояния блаженства, т.е. победить в себе весь эгоизм. Люди сходят на землю, достигая и божественных ступеней. Входят в воплощение для величайших задач, неся в себе *весь* Свет, — закрытый личностью — для урока всему человечеству. Но ангелы и дэвы не знают воплощений земли. Если же — по их личной карме — сходят в воплощение, то зачатие их минует стадию греха и проходит зачатие радости непорочной.

10.

Неизменно *видят* очи знаки огня, если *радостью* идёт свой путь ученик. Неизменно слышит ухо голос Безмолвия, если *радость* встречи с каждым человеком — уничтожение понимания: «одолжения, отношения по долгу или христианская обязанность».

Только то будет истинным человеческим отношением к встречному, где радость заменила собою *все* условные понятия чести и долга. Нет чести, сияющей в вечности, как аспект Мудрости в сознании человека, пока *предрассудок* какого бы то ни было *тяжёлого* обязательства *жив* в сердце человека. Только тогда *начал* свою жизнь труда *вечного* человек, когда он понял, что жизнь земли есть *только* счастье, *только* радость, ведущая к великому освобождению от *всех* предрассудков.

Предрассудок не является результатом чего-либо иного, кроме *страха*. Страх быть осмеянным, непонятым или отверженным более сильным создаёт осторожности, переходящие в предрассудок.

И сколько бы мощная рука ни уничтожала условности и предрассудки, освобождая людей и раскрепощая их силы к высшему творчеству, люди скуют себя ими *вновь*, в иных понятиях, пока в *каждом* не вскроется ему *его* личности давящее кольцо и он *сам* не изживёт всего, что его пленяет или радует из земных страстей и дел.

Ищите во всём радости. Ибо только ею можно дойти до силы Вечного в себе.

11.

Стихия человеческой жизни земли равна в своих страстях и потрясениях стихиям природы. Нет опытов, которые не ложились бы *зрелостью* в сознание людей, если сознание работает нормально. То сознание работает нормально, в котором нет засорённых страстей. А страсти засоряют только тогда, когда *эгоизм* ставит человек своею логикой текущего дня. Ученик 6 ступени — это то сознание, что не только *освободилось* от эгоизма, но то, что стало *творческим*.

Творческим стало человеческое сознание, когда оно стало только *легко* идущим всюду *молоточком*, которым рука Учителя ударяет по сердцу встречного. И только от ученика 6 ст. *зависит* стать так легко и радостно ударяющим молоточком, чтобы нота, в которую зазвучит от удара сердце встречного, была всегда *мажором* и вливалась не диссонансом в гамму высоких путей.

12.

Нет сил недоступных человеку, если он перешёл 6 ступень. Его гармония крепче стихий, и стихия, упадая на его голову, отходит, не нанеся ран и не пробив щелей в ауре ученика.

Ибо *вся* стихия заключена в самом ученике. Его Единый, оживший и сияющий его храм сердце — уже *побеждённая* личность. А стихия ранит только *личность*.

Нельзя войти в 6 ступень, не имея *побеждённой* личности. Ибо во второй половине 6 ступени надо суметь перенестись к Дому Учителя, и в нём познать план духовный — центром *всей* своей деятельности.

Войти же в Дом Учителя может только тот, кто целомудрие и радость сочетал огнём дня. *Серый* день более не может существовать в сознании ученика 6 ступени, ибо он идёт только своё *сияющее* мгновение путешествия вечного. Потому в нём, освобождённом от личности, *звучит* его сердце; и потому он входит *легко* и *просто* в Дом Учителя. И где бы он ни шёл, всюду идёт Дома Учителя сила *радости* в нём. И не *серый* день огорчений, наград и похвал, страстей и мук, но тихая сила и *мощь знания* идут и *живут* в нём.

13.

Неизменно присутствует Учитель в делах земли всех тех людей, которых владыки карм нашли своевременным и целесообразным столкнуть с учениками 6 ступени. И нет выбора у тех людей, ни у Учителя, ни у владык карм. Ибо: «готов ученик — готов ему и Учитель».

Но тот, кто возомнит себя «готовым» к действию учеником только потому, что Учитель *ему* дал слово в письме или встрече — *тот не начал* ученичества, ибо только *личным* эгоизмом воспринял зов Учителя.

И потому *зов был* дан. Но всё существо человека *не* ответило на него; ибо *Всё* — Единый в человеке. И зов, — мелькнув озарением, — оставил *след* в Реальном человека, но его суетная личность *не* сохранила места чистого в сердце, чтобы *память* озарения *звучала долго*.

Мелькание *красоты* в деятельности человека так же широко пробивает брешь в его ауре, куда может вливаться влияние Любви, как слово чести и поступок милосердия.

И то и другое составляет силы божественной части человека и расширяет и ускоряет чистоты границы в его сознании и сердце. Они составляют новые грани для гармонии.

14.

Пренебрежение человеком, выказанное в резком и осуждающем слове, ложится огненным пятном на того, кто его сказал. Пренебрежение, как самое яркое проявление собственной гордости, стоит разъединяющим звеном между людьми.

Тот, кто не понял единения как основы жизни всей вселенной, не может вскрыть в себе ключа к пониманию эволюции Вечного. Эволюция Вечного — не отвлечённое, существующее в ментальном плане движение сил Духа. Но *жизнь* Земли и всех планет обитаемых и включённых в Движение Вечное именно в тех, *живущих* на них формах, через которые пройти *каждому* существу в своей индивидуально неповторимой форме необходимо.

Сила в каждом ученике 6 ступени равна его созревшим звеньям кармы. И нет «испытаний». Есть *определённо выброшенное* звено *так* и *там*, где начинается восхождение ступеней совершенства по строгой логике векового Милосердия.

15.

Целомудрие — не условие ученичества. Целомудрие — закон великой целесообразности. Оно никому не навязывается. Оно никем не выбирается. Оно зарождается в ауре ученика и воспринимает до тех пор всё большее *количество* чистоты Учителя, пока оно не переходит в *качество* — освобождённую радость. И только тогда ученик даёт свой *первый* обет целомудрия.

Войдя в ступень 7, ученик *повторяет* свой обет целомудрия только потому, что в его силах уже не живёт часть животная. Частью божественной она побеждена и рождено в ученике *новое* слияние со всей светлой общиной, не имеющее более ни страха, ни скорби. И *во всяком* движении идёт *деятельность только духовного* плана.

Смертельных мук, как и колебаний и сомнений *лишён* ученик 7 ступени. Ибо он *живёт* и *творит* в плане духовном. Он *знает* путь земли *только* как

путь труда Учителя. И все его дни — только *выявление* трудов *духовного* плана.

16.

Зерцала Мудрости разбивают все привычные понимания людей. Нет сознаний таких, которые *могут прочесть*, но отойдут, *не понимая*, что прочли. *Только* тогда могут попасться взору строки Зерцал Мудрости, когда дух готов их понять и принять. Нет резких бездн в переходах ступеней ученичества только потому, что *сам* ученик строит мост над бездной раньше, чем сила его замечает бездну. Только движение в любви и красоте может передать сознанию силу и уверенность во *всех пределах* земных встреч. И *нет* пределов этим встречам, если верность ввела ученика в 7 ступень.

Память прошлых жизней обычно возвращается к человеку после смерти. В те блаженные минуты, когда он окружён *одной* любовью, т.е. когда личность его умерла и ещё не возродилась. В то великое мгновение полного освобождения, когда ещё не началась новая жизнь кармы.

Ученик 7 ступени равен — по силе освобождённости от личности — умершему. Он умер ею окончательно, и вступив в 7 ступень, имеет новый дар: сознание **в себе** *живущим* каждого встречного.

17.

Повергающиеся в стонах и мольбах не имеют успеха в своих просьбах, ибо всё, что они вносят в мольбы — плоды страха, эгоизма и прихотливых желаний личности; хотя бы им казалось, что мольбы их идут о близких. Всё же мольбы, где ещё существуют «свои» и «чужие», — все выражают только *разъединение* человека. И *пока единение* не станет *осью* его жизни, человек не войдёт в ученичество. Ибо только единение с людьми вводит в единение с Учителем. Тот, в ком сердце чисто, кто мир в себе не *завоевал*, а *вошёл в него*, ибо *понял*, *принял* и *благословил всю* Жизнь, только тот перенёс всё понимание скорби и уныния в действия радости. Ибо в мыслях его и действиях при встрече *нет* ни двойственности, ни лицемерия.

Для учеников 7 ступени лицемерие не только в том, чтобы не обмануть *действием* встречного. Но чтобы в мысли — действие было трудом *цельного* внимания. А трудом *цельного* внимания оно будет только тогда, когда оно будет действием радости. Ибо радость *заключает* собою *смерть личности*.

Радость действия в мире есть начало 8 ступени. И к ней подходят, *завершив* цикл воплощений веков — ярким кругом костров радости.

18.

Зерцала Мудрости — не знаки, складывающиеся для помощи и наставления тем, кому настал час прочесть; но вечные огни, которые оставляет людям каждый, чья мудрость засияла. В ком часть божественная победила часть животную и загорелась огнём немигающего Света.

Ученик 5 ступени — это тот, в ком мир его сердца сложился из умершей животной части его существа. И где часть божественная вступила в развитие. Но божественная часть в человеке — это не эволюция цветка, чей рост и цвет идёт мгновениями земли, развиваясь.

Божественная часть есть эволюция Вечного, есть тот труд внимания, что приводит к устойчивой верности и миру через *всю* Жизнь.

Нет развития всей жизни в условностях более или менее подходящих. Есть развитие божественной части в человеке, только для того идущей в *каждом* человеке по его условиям, чтобы человек имел *возможность* в *них* заключить рубцы своей собственной деятельности в веках. Благословляйте *всё*, что пришло к вам на земле, ибо то ваши же дела, что вы погубили или вырастили. Не ждите у входа в события разворачивающиеся для вас в наступающем дне. Но *действуйте* всегда в радости, ибо встреча с событиями и людьми бывает только тогда, когда *вы* имеете силы их победить.

Держите чистым сердце не по условным пониманиям: «не желай зла ближнему». Но защитой от зла становись каждому, примкнувшему к чистоте вашего сердца.

19.

Ученики 8 ступени не имеют более связи личной с землёй. Но это не значит, что они оторваны от неё и людей. Между ними и землёй лежит плотным ящиком под их ногами знание. А их уста и руки, касаясь человека, горят огнём тех помощников, которые невидимы людям, но видимы им. И невидимое людям, вносимое им в помощь, относит от их аур пошлоти и вливает им мужество. Видимое же ими перестаёт их трогать, ибо крепость мира ученика снимает с их глаз повязку условного ужаса.

Нет искривлений и горбов в аурах учеников 8 ступени. Ибо ауры их сращены с гармонией и силами ведущих их отцов.

20.

Перенося в себе все скорби, может пройти человек цикл жизней и всё же не найти освобождения. Ибо ищет его вовне, считая, что облегчение — в лучших условиях.

За горем личным человек перестаёт видеть все те лучшие качества людей, от которых хочет освободиться. Страсти воспламеняют нервы, но сила мысли не может воспламениться, ибо она огонь. Горящий пламень страстей, играя всеми огнями личных красот, отвлекает внимание от огня мысли, горящего ровным пламенем.

Но как только меркнет по одному луч очаровательной фантазии, сознание человека яснее видит огонь мысли.

Там, где *есть* сила огня-мысли, там не бывает разбросанности и безалаберных скачков от одних дел к другим. Там не бывает двойственности и измены.

Двойственность и измена, предательство и ложь — всё идёт только от страстей личности и жажды блеска.

Подумай, человек, о своей вечной силе мысли, и ты выберешь тот путь, где дух твой не умрёт, но оживёт.

Софья Владимировна Герье (1878–1956) с 1913 г. возглавляла Московский Отдел Теософического Общества, а после эмиграции А. Каменской — и всё нелегально действовавшее Российское Т.О. До этого она училась в Италии, в Генуэзском университете, где и познакомилась с теософией и вступила в Теософическое Общество. В советское время преподавала итальянский язык, составила итальянско-русский словарь. Была знакома с К. Антаровой. Много времени провела в Тарусе, где у неё был дом и где она держала теософическую литературу. Там же было легче встречаться с другими теософами, которые иногда подолгу гостили у неё.

Лоуренс Ньюи

ВСТРЕЧАЯ ОБИТАТЕЛЯ

«Обитатель порога» — термин интригующий, и с ним связано много мифов.* Кто или что — этот обитатель, и где тот таинственный порог, на котором он обитает? В древней и современной популярной культуре есть много воображаемых историй и портретов, которые, похоже, звучат узнаваемым аккордом, вызывая внутри глубокий, тяжёлый резонанс — будто этот обитатель и вправду рыщет где-то за всеми этими плодами коллективного воображения как самостоятельное живое существо. И действительно это так, поскольку продукты всех привязанных к земле мыслей, желаний и действий наделены сущностью великого элементала нашей планеты — того духа Земли, который проходит свой прогресс на пути инволюции. Субстанция низших миров наполнена этой великой жизнью, а выделенные части её — крохотные элементалы — непрестанно принимают разные образы и приспосабливают себя согласно шаблонам того, как мы думаем, чувствуем и действуем.

Потому обитатель порога — «шедевр» творчества каждого из нас, и сам приводит себя в соответствие с тем, каким мы его воображаем. Вырисовываясь из тьмы нашей подсознательной памяти, которая простирается на мириады прошлых воплощений, он состоит из всех неосвобождённых сил в нашей природе, появляясь из укрытий прошлого как единая интегрированная сила, оспаривающая наши притязания на духовные царства. Будучи олицетворением той психической гравитации, которая держит нас в низших мирах, обитатель пробуждается к жизни самими нашими попытками подняться из них.

Как человеческие существа, все мы в какой-то степени откликаемся на элементальную жизнь нашей планеты, используя и передавая её силу в наших мыслях и поступках. И там, где имеет место подобие резонанса, элементалы, воплощающие эти силы, срастаются, и тогда этими силами распоряжаются уже бо̀льшие, более могущественные элементалы. Тем самым мы, того не замечая, подкармливаем и усиливаем рост интегрирующей силы, которая постоянно образует нашего индивидуального обитателя порога. Но не только это — мы также подпитываем обитателей друг друга, и так они растут, образовывая великие психические тени, преследующие группы, нации и даже всё человечество. Так что перед нами встаёт задача справиться с обитателем порога в нашей собственной жизни, а также и в жизни групповой, учась распознавать этого переменчивого лицедея под всеми его масками. А затем — находясь на этой прочной позиции — мы сможем встретиться с Обитателем, который крадётся за человечеством, и помочь победить это древнее зло.

На протяжении веков о растущей тени нашего собственного обитателя нас оповещал голос совести, предупреждая о неверных действиях, чувствах и мыслях. Медитация усиливает этот голос, продвигающий нас по пути праведности с огненным устремлением, пока мы не оказываемся посреди места сожжения — в странной пустоте на полпути между Обитателем Порога и Ангелом Присутствия. Слева стоит обитатель — некогда бесформенная тень, ставшая теперь объединённой силой, в которой мы признаём наше собственное «я», лишённое, однако, духовного света и горящее тёмными огнями трения, огнями материи. Справа стоит Ангел, пылающий солнечным пламенем, но лишённый атомной энергии Обитателя, контроль над которой позволит нашему духовному «Я» действовать на низших планах системы, имея такую же власть, какую оно имеет на более высоких. Отсюда приходит осознание того, что эти два существа должны быть сведены вместе — спирально-циклическое движение солнечного огня должно вобрать в себя круговое движение огня трения — любовь-мудрость должна вобрать разумную деятельность, и трансмутировать знания и опыт обитателя в свои собственные способности.

Повернув и увидев обитателя, мы должны теперь разоружить его и поглотить его в свет солнечного ангела. Но мы не будем делать это, прямо нападая на него и подавляя низшую природу, ибо это может привести к опасному закупориванию силы, которая проявит себя потом ещё более взрывным способом или приведёт к ухудшению здоровья и болезням. Вместо этого мы отклоняем энергию от обитателя через упорные позитивные действия, лишая его подпитки и обрекая на истощение, фокусируя наше внимание на вещах высшей природы, на групповой работе и на Плане. «Динамический изгоняющий фактор новой любви» — вот фраза, над которой в связи с этим стоит поразмышлять. Как нам известно, энергия следует за мыслью, и когда мы достаточно заинтересованы в духовной жизни и посвятили себя ей, индивидуалистическое желание искореняется, а наше чувство тождественности расширяется до состояния групповой осознанности. Мы уже больше не крошечная воинственная искра света, борющаяся с преобладающей тьмой, а живое пламя в огненном озере группового сознания, полностью охваченное качествами и силами высшей природы.

Это погружение в групповой свет поначалу может несколько приводить в замешательство, но, как указывает Тибетец, «в групповой работе вы должны помнить, что там не будет индивидуальной жизни — чем дальше, тем больше. Так и должно быть». По мере того, как мы всё больше поглощены групповой работой и Планом, наша личная жизнь и наши личные интересы соответственно уменьшаются, поскольку мы больше не напитываем энергией личные желания и цели. Потому лишь когда желание служения достаточно сильно, мы можем победить обитателя. Иного пути нет, лишь децентрализация через любовь группы может освободить нас от хватки власти планетарного элементала. Именно по этой причине групповая работа, групповое сознание и групповое посвящение являются в Школе Арканов первостепенными целями. Резервуар энергии, который в распоряжении её учащихся, жив силами, которые могут помочь лишить жизненных ресурсов и нашего собственного обитателя, и обитателя человечества. Каждый раз, когда мы медитируем, мы можем углубить нашу погруженность в групповую жизнь, пока динамика группы не станет определять каждый момент дня. Тогда-то наша новая любовь и изгоняющий фактор

* Ещё один миф, чисто российский — выражение «страж порога», которое является просто неправильным переводом. — *Прим. пер.*

будут изо дня в день ослаблять хватку нашего личного обитателя.

Конечно, это достигается не быстро. Поначалу контакт с вибрацией групповой души будет бередить обитателя и приближать его, но по мере того, как сила группового света будет охватывать наши внутренние чувства, эта теневая сторона нашей природы будет неуклонно уменьшаться. Школа Арканов была намеренно организована и управляется «духовно безличным способом», чтобы облегчить этот процесс. Она не проводит личного обучения, а поощряет опору на собственные силы и постоянный рост способности распознавания, которая выявляет любые восстания обитателя в личной, групповой жизни и жизни человечества. Групповой обитатель, который есть черта всех интегрированных групп, и который вызывает столько расколов и разрушений, в значительной мере вытесняется энергией любящей безличности. Когда сосредоточение на работе ставится выше всего личного, потенциальным групповым наваждениям и иллюзиям уже нет хода, и они затухают в сфокусированной силе группового служения.

Ясность и сила групповой ауры, следовательно, велики, и это может материализовать серию кризисов в жизни ученика: к этому он должен быть готов. Однако по мере того, как мы учимся удерживать кризис на уровне высокой энергии, он обрабатывается в сознании, и не обязательно осаждается в виде внешних событий в жизни личности. Фактически, с точки зрения постороннего, может казаться, что мы ведём очень безмятежную жизнь, тогда как во внутренней работе мы проходим весьма динамичные процессы. Мы отделяем шлаки и усовершенствуем нашу способность направлять в мир чистую духовную энергию. А через распознавание мы учимся видеть тонкости мирового обитателя порога и оказывать всемерную поддержку новой группе мировых служителей, которая позитивна и полна света, который может оккультно поднять и устранить его. Наша новая связь — это погружение в любовь группы, а наши медитации преображают индивидуальную незначительность в мощное освободительное групповое служение.

Групповое служение предполагает выстраивание групповой антахкараны, по которой будет нисходить энергия, а затем создание мыслеформ, светлые качества которых можно будет направить в завесы иллюзий, наваждений и майи, чтобы рассеять негативные силы. Наша работа с основным тоном конференции уместна для того, чтобы мощная геометрическая форма естественно приняла свой вид благодаря нашим объединённым медитациям и размышлениям — это будет светящаяся сфера солнечного огня, излучающая в эфирах и сжигающая туманы мирового наваждения. Это буквально сфера группового служения, и все мы можем участвовать в меру своих медитативных способностей. Размышление на этой тонике и медитация на ней будут поддерживать внутренний огонь мыслеформы, помогающей рассеять «ту глубокую и постоянно меняющуюся плотность потоков, которые скрывают и искажают, заставляя сынов человеческих ходить кругами и не давая им видеть Свет таким, каков он есть».

Групповые мыслеформы в сущности есть *осаждение и скопление энергий, расположенных в определённой форме, чтобы выразить идею творческого мышления группы, определяются природой их мысли и сохраняются в этой особой форме, пока мысль остаётся динамической*. Это творческое служение выражается в прекрасном символе, который составляет один из двух рабочих инструментов Мыслителей, которые ведут нашу расовую и планетарную эволюцию, и которым мы, на нашем собственном уровне, стараемся подражать:

> «Сверкающее солнце образует фон, в самом центре солнца явлено око; вниз и вправо из ока исходит поток энергии в виде луча света. Последний, расширяясь к концу, переходит во второй круг, в этом круге — крест, напоминающий так называемый мальтийский крест. В центре креста другое око, внутри ока — Священное Слово. Между перекладинами креста, образуя другой крест, видна свастика, — её лучи выступают из-за мальтийского креста.»

Этот символ полон намекающих образов, но что особенно интересно, так это появление тут свастики. Потенциал и законное применение этого вращающегося креста передаётся его древним санскритским названием — «свастика» означает «хорошо быть». Сказано, что при образовании солнечной системы агент Брахмы, фохат, пересекает круг подобно двум линиями пламени (горизонтально и вертикально); и двигаясь, как вращающийся круг огня, копает дыры в водах пространства, создавая структуру солнечных планов и осаждая логоическую мыслеформу. В символе свастики огонь есть тепло, генерируемое в центральной точке; перпендикулярный луч представляет мужской элемент, или дух, а горизонтальный — женский элемент, или материю. Дух оживляет и оплодотворяет материю, и всё происходит из центральной точки, фокуса и Жизни, и Света, и Тепла. Древние индусы знали об этом процессе, и трением двух деревяшек, взятых со священного дерева и расположенных крестом, они получали огонь для поклонения господу Агни.

Конечно, мы больше всего знакомы со свастикой как с символом нацистов, которые совместно с другими силами Оси [Берлин—Рим—Токио] вывели на всеобщее обозрение обитателя порога человечества, начав всемирную конфронтацию между силами зла и силами света. Как нам хорошо известно, человечеству всё ещё приходится встречаться с разными аспектами этого обитателя, хотя главный аспект человеческого зла, представленный Гитлером, в значительной мере уже преодолён. Нацисты выражали ложное и злое использование материи, ключевыми в котором являются сепаратизм, жестокость и эгоизм. Согласно Вневременной Мудрости, «Тех, чья жадность велика, кто не видит красоты в разгорающемся свете, и кто не знает любви к человеческим жизням, свастика подвергает страшной опасности и уводит на пути зла. Но тех, кто не откликается на низшие аспекты и эффекты вращающегося креста, свастика выбрасывает из себя, запуская их далеко, пока они не обретут покой на кресте избранного ими распятия — фиксированном кресте принесшего обеты ученика».

Новая группа мировых служителей демонстрирует человечеству этот процесс — безразличные к материальным огням трения вращающегося креста, её члены влекутся к центру креста ученичества, с которого, как указывает рассмотренный нами символ, творческая сила свастики пробуждается, чтобы построить Дом Божий на Земле. Ибо с этой срединной точки можно безопасно призвать огонь духа, чтобы он снизошёл по вертикальному лучу креста и сочетался с огнём материи, прежде чем излучиться в мир как двоякий огонь, который выжжет всё, что мешает

видению человечества. А если интерпретировать этот символ с групповой точки зрения, то око группового видения, сосредоточенное в сверкающем солнце божественности, направляет энергию присутствия вниз по групповой антахкаране в центр креста, где каждый член группы находится в состоянии отдельной единицы. Оттуда он может быть передан через духовное око и применение священного слова [Ом]. Таким образом вращающийся крест оживляется к деятельности, и подобно гигантскому режущему инструменту во времени и пространстве, высекает в четырёх эфирах освещённые схемы освобождения ради того, чтобы «было хорошо».

Эта деятельность образует планетарную сеть, через которую Мировой Ангел изливает солнечный огонь; а новая группа мировых служителей использует его, чтобы воспламенить мир духом отношений. Эфирные центры каждого ответственного человека стимулируются этим к четырёхмерному вращению, обращаются вокруг себя и ещё дальше разрывают планетарные завесы. Свастика здесь снова является как символ этих раскрывающихся центров; «внутренний вращающийся крест начинает вращаться вокруг своей оси, раздвигая пламенеющую периферию во все стороны, так что центр лучше описать как сферу огня, чем как колесо. Центры — как шары лучащегося огня, ... сливающиеся и сочетающиеся в огонь, сжигающий всё».

Веками то, что вращалось, выстраивало слой за слоем силы вокруг себя, становясь магнетически сильным и побуждаемым вниз, и из этого земного огня был образован мировой Обитатель. Но солнечный огонь мирового Ангела быстро поднимает этот круг трения в спирально возносящееся пламя. Таким образом, человечество неуклонно влечётся к вратам посвящения, где обитатель порога растворяется, вливая весь свой опыт и знания в Мировую Душу, что добавляет глубины огненной красоте, звуку и цвету. Это великий искупительный процесс, в конце которого обитателя уже не будет с человечеством — но и с солнечными ангелами его тоже не будет. Завершив свою работу по облегчению эволюции человеческого сознания, они двинутся дальше, оставив за собой свет, который они помогли нам приобрести. Тогда человечество будет в состоянии следовать за чистым электрическим огнём духа, который сияет издалека, приглашая к дальнейшему исследованию тайны становления, которую мы поистине являем собой.

Ч. Ледбитер

ПЛАНЕТНЫЕ ЦЕПИ

Схема эволюции, часть которой составляет наша Земля, — не единственная в нашей Солнечной системе, ибо в этой системе есть десять отдельных планетных цепей, каждая из которых является театром прогресса, в чём-то аналогичного нашему. Каждая из схем эволюции осуществляется на цепи глобусов, и по ходу каждой схемы её цепь глобусов проходит через семь воплощений. План, аналогичный для каждой схемы в целом и для последовательных воплощений её цепи планет, состоит в том, чтобы сначала шаг за шагом погружаться всё глубже в материю, а затем снова шаг за шагом оттуда подниматься.

Каждая цепь состоит из семи глобусов (шаров), при этом и глобусы, и сами цепи подчиняются правилу нисхождения в материю и затем — подъёма из неё. Чтобы это стало понятно, давайте рассмотрим пример цепи, к которой принадлежит наша Земля. В настоящее время она в своём четвёртом, самом материальном воплощении, а потому три её глобуса принадлежат к физическому плану, два — к астральному и два — к низшей части ментального плана. Волна Божественной жизни последовательно проходит от шара к шару этой цепи, начиная с высшего, снижаясь постепенно до низшего, а затем поднимаясь опять до того же уровня, с которого начала.

Давайте для удобства обозначим эти семь глобусов буквами алфавита, а номер воплощения — цифрами. Таким образом, так как это четвёртое воплощение, его первый глобус будет обозначен как 4A, второй — 4B, третий — 4C, четвёртый (который и есть наша Земля) — 4D, и так далее.

Эти шары не все состоят из физической материи. 4A не содержит материи ниже той, что принадлежит ментальному плану; у него есть соответствия во всех более высоких мирах, но нет в более низких. 4B существует на астральном плане, но 4C — уже физический шар, наблюдаемый в наши телескопы, и фактически это планета, известная нам как Марс. Шар 4D — это наша Земля, на которой жизненная волна цепи сейчас как раз в действии. Шар 4E — это планета, которую мы называем Меркурием, и также находится на физическом плане. Шар 4F — на астральном плане, соответствуя на восходящей дуге шару 4B на нисходящей; тогда как шар 4G соответствует 4A в том, что низшее своё проявление имеет на нижней части ментального плана. Таким образом, можно видеть, что мы имеем схему шаров, начинающуюся на нижнем ментальном плане, погружающуюся через астральный план до физического, а затем опять поднимающуюся через астральный на нижний ментальный план.

И как последовательность глобусов цепи являет погружение в материю и подъём из неё обратно, так происходят и последовательные воплощения самой

цепи. Мы описали положение дел при четвёртом воплощении; оглядываясь же на третье, мы обнаруживаем, что оно начинается не на нижнем уровне ментального плана, а на верхнем. Тогда глобусы 3A и 3G оба состоят из высшей ментальной материи, тогда как 3B и 3F — из низшей; шары 3C и 3E принадлежат к астральному миру, и только 3D является видимым в физическом. И хотя третье воплощение нашей цепи в далёком прошлом, труп этого физического шара 3D всё ещё наблюдается нами в виде мёртвой планеты Луны, от которой это третье воплощение получило название «Лунной цепи».

Пятое воплощение нашей цепи, которое ещё в отдалённом будущем, будет соответствовать третьему. В нём глобусы 5A и 5G будут построены из высшей ментальной материи, 5B и 5F — из низшей ментальной, 5C и 5E — из астральной, и только шар 5D будет на физическом плане. Эта планета 5D, конечно, ещё не существует.

Остальные воплощения нашей цепи последуют тому же общему правилу всё уменьшающейся материальности. 2A, 2G, 6A и 6G все будут в интуитивном (буддхическом) мире, 2B, 2F, 6B и 6F — в верхней части ментального, 2C, 2E, 6C и 6E — в нижней его части, а 2D и 6D — в астральном. Таким же образом 1A, 1G, 7A и 7G принадлежат к духовному (атмическому) миру, 1B, 1F, 7B и 7F — к интуитивному, 1C, 1E, 7C и 7E — к высшей части ментального мира, а 1D и 7D — к его низшей части.

Таким образом видно, что не только жизненная волна проходит по цепи шаров глубоко в материю и поднимается оттуда снова, но и сама цепь в своих последовательных воплощениях делает в точности то же самое.

Сейчас в нашей Солнечной Системе есть 10 схем эволюции, но только 7 из них находятся на такой стадии, чтобы иметь планеты на физическом плане. Это: 1) Схема непризнанной планеты Вулкан, очень близкой к Солнцу, о которой у нас очень мало определённой информации. Она наблюдалась астрономом Гершелем, но теперь говорят, что она исчезла. Мы поначалу понимали так, что она в своём третьем воплощении, но теперь считают возможным, что она недавно перешла из своей пятой в шестую цепь, что могло бы быть объяснением её предполагаемого исчезновения. 2) Схема Венеры, которая в своём пятом воплощении, а потому тоже имеет лишь один видимый шар. 3) Схема Земли, Марса и Меркурия, которая имеет три видимые планеты, потому что в своём четвёртом воплощении. 4) Схема Юпитера. 5) Схема Сатурна. 6) Схема Урана. Все они в своих третьих воплощениях. 7) Схема Нептуна и двух безымянных планет за его орбитой, которая в своём четвёртом воплощении, а потому имеет три физические планеты, как и наша.

В каждом воплощении цепи (обычно называемом периодом цепи) волна Божественной Жизни семь раз обходит цепь из семи планет, и каждый такой оборот называют кругом. Время, в течение которого жизненная волна пребывает на каждой планете, называют мировым периодом*, и в течение такого периода сменяются семь великих коренных рас. Как было объяснено ранее, они в свою очередь подразделяются на семь подрас, а те опять же на расовые ветви. Для удобства это можно изложить в форме таблицы:

7 расовых ветвей составляют	1 подрасу
7 подрас	1 коренную расу
7 рас	1 мировой период
7 мировых периодов	1 круг
7 кругов	1 цепь
7 цепей	1 схему эволюции
10 схем	1 систему эволюции

Ясно, что четвёртая коренная раса на четвёртом шаре четвёртого глобуса четвёртой цепи оказывается центральной точкой всей схемы эволюции, и мы в данный момент обнаруживаем себя в положении чуть после этой точки. Арийская раса, к которой мы принадлежим, это пятая раса четвёртого глобуса, так что настоящая середина выпала на время предыдущей великой коренной расы — атлантской. Потому человечество в целом прошло в своей эволюции совсем немного больше полпути, а те немногие души, которые уже приближаются к адептству, которое и есть конец и венец этой эволюции, далеко обогнали своих собратьев.

Как же получилось, что они зашли так далеко вперёд? Отчасти и в некоторых случаях оттого, что они более напряжённо работали, но обычно — потому, что они являются более старыми «я», так как раньше индивидуализировались из животного царства и имели больше времени для своей человеческой эволюции.

Всякая волна жизни, посылаемая Логосом, обычно проводит в каждом из великих царств природы по одному периоду цепи. Та, что в нашей первой цепи одушевляла первое элементальное царство, во второй цепи должна была одушевлять второе из этих царств, в Лунной цепи — третье, а теперь, в нашей цепи, находится в минеральном царстве. В будущей, пятой цепи она будет одушевлять растительное царство, в шестой — животное, а в седьмой достигнет человеческого состояния.

Из этого следует, что мы сами представляем собой минеральное царство первой цепи, растительное — второй, и животное — третьей, Лунной цепи. Там некоторые из нас достигли индивидуализации и смогли войти в эту земную цепь уже людьми. Другим же, которые немного отстали и не достигли её там, пришлось рождаться в этой цепи животными, прежде чем достичь человеческого состояния.

Однако не всё человечество вступило на эту цепь вместе. Когда Лунная цепь подходила к своему концу, её человечество находилось на разных уровнях. Целью, назначенной для этой цепи, было не адептство, а то, что является для нас сейчас четвёртым этапом пути**. У достигших его (и обычно называемых в теософической литературе «лунными владыками») было, как обычно, семь вариантов выбора пути, по которому они будут дальше служить. И только один из них приводил их (точнее, немногих из них) в эту Земную Цепь, чтобы служить водителями и наставниками для ранних рас. Но значительное, и фактически, огромное множество лунных людей не достигли этого уровня, а потому должны был появиться на этой Земной цепи в виде человечества. Помимо того, огромная масса представителей животного царства Луны подходила к индивидуализации, а некоторые из них уже её достигли, тогда как

* Несколько более удачное название, тоже иногда используемое — период глобуса. — *Прим. пер.*

** Архатство. — *Прим. пер.*

другие — нет. Этим последним потребовались дальнейшие животные воплощения в Земной цепи, и пока мы можем отложить их в сторону.

Но даже среди человечества было много классов, и то, как они распределились по Земной цепи, требует некоторого объяснения. Общее правило состоит в том, что достигшие высшего возможного уровня в любой цепи, на любом глобусе или в любой коренной расе не рождаются в начале следующей цепи, следующего глобуса и следующей расы соответственно. Ранние стадии всегда для отставших существ, и только когда они уже пройдут большой отрезок эволюции и станут приближаться к тем, кто ранее достиг лучших успехов, эти последние станут спускаться в воплощение и снова присоединяться к ним. Так что почти вся ранняя половина любого периода эволюции, будь то раса, глобус или круг, по всей видимости посвящена подтягиванию отставших людей почти что к уровню тех, кто успевал лучше, а затем и эти последние (тем временем отдыхавшие на ментальном плане, получая там огромное наслаждение) спускаются в воплощение к остальным, и далее трудятся вместе, продвигаясь к концу периода.

Таким образом, первые «я» с Луны, вошедшие в Земную цепь, были вовсе не самыми продвинувшимися. Фактически, их можно назвать наименее продвинувшимися из тех, кому удалось достичь человеческого состояния — животными людьми. Придя на цепь новых свежеобразованных шаров, они должны были установить формы во всех разных царствах Природы. Это должно делаться в начале первого круга новой цепи, но не требуется после, ибо хотя жизненная волна в каждое время сосредоточена только на одном из семи глобусов цепи, жизнь всё же не полностью покидает другие. Например, в настоящий момент жизненная волна нашей цепи сконцентрирована на этой Земле, но на двух других физических глобусах нашей цепи, Марсе и Меркурии, жизнь ещё существует. Там даже есть население — человеческое, животное и растительное, а потому, когда волна жизни снова обойдёт цепь по кругу, на этих планетах не будет необходимости в создании новых форм. Старые типы там уже присутствуют, и то, что произойдёт, будет выглядеть как внезапный и удивительный рост плодовитости, так что разные царства быстро увеличатся и размножатся и составят быстро растущее население вместо небольшого постоянного.

Так что именно животные люди, низший класс из человеческих существ Лунной цепи, установили формы первого круга Земной цепи. Сразу же за ними последовали высшие представители лунного животного царства, которые вскоре уже были готовы занять только что сделанные формы. Во втором круговом путешествии по семи глобусам земной цепи животные люди, бывшие самыми отсталыми среди лунного человечества, были лидерами этого земного человечества, а высшие из лунных животных достигали чуть более низкого по сравнению с ними уровня. То же самое продолжалось и в третьем круге Земной цепи, там всё больше и больше лунных животных достигали индивидуализации и присоединялись к человечеству, пока в середине того круга на этом самом шаре D, который мы называем Землёй, не спустился в воплощение более высокий класс лунных существ — второй разряд лунных людей, и сразу же возглавил процесс.

Дойдя до четвёртого, нашего нынешнего, круга, мы обнаруживаем, что к нам вливается первый разряд лунных людей — высшие и лучшие представители лунного человечества, которым лишь чуть-чуть нехватало до достижения успеха. Некоторые из тех, кто уже вступил на Путь (ещё на Луне) быстро достигли его цели, стали адептами и ушли с Земли. Немногие другие, продвинувшиеся не так далеко, достигли адептства сравнительно недавно — то есть за последние несколько тысяч лет, и они являются адептами наших дней. Мы же, находящиеся сейчас в высших расах человечества, на несколько этапов от них отстаём, но перед нами имеется возможность последовать по их стопам, если мы того захотим.

Эволюция, о которой мы говорили, это эволюция «я», того, что можно назвать душой человека, но в то же время происходила также и эволюция тел. Формы, построенные в первом круге, очень отличались от любых, о которых мы что-либо знаем теперь. Собственно говоря, те, что были созданы на нашей физической Земле, едва можно было вообще назвать формами, поскольку они строились только из эфирной материи и напоминали неясные, плывущие, почти бесформенные облака. Во втором круге они были уже определённо физическими, но ещё бесформенными и достаточно лёгкими, чтобы парить в потоках ветра.

Только в третьем круге начали они принимать какое-то сходство с таким человеком, каким мы знаем его сейчас. Сами методы размножения этих примитивных форм отличались от сегодняшних, и больше напоминали те, что сейчас встречаются лишь у гораздо более низких форм жизни. В те ранние дни человек был андрогинным, а определённое разделение на два пола произошло только в середине третьего круга. С того времени тело человека, постепенно развиваясь, стало принимать определённо человеческий вид, уменьшаясь и становясь более компактным, а также учась прямохождению вместо того, чтобы передвигаться ползком и сутуло, и в общем уже отличаясь от животных форм, из которых оно эволюционировало.

Заслуживает упоминания один любопытный отход от регулярности, имевший место в этой эволюции. На этом шаре, в этом четвёртом круге, было отклонение от прямой схемы эволюции. Будучи средним глобусом среднего круга, срединной точкой эволюции он отмечал последний шанс для членов лунного животного царства достичь индивидуализации. Потому было предпринято особое усилие и организована особая схема, чтобы дать этот шанс столь многим, как только возможно. Условия первого и второго кругов, которыми отставшие «я» не вполне смогли воспользоваться, были особым образом воспроизведены в первой и второй расах. И теперь, с дополнительной эволюцией, которую они прошли в течение третьего круга, некоторые из них смогли воспользоваться этим преимуществом и проскочили в дверь в последний момент перед её закрытием, став всего лишь людьми. Естественно, что они не достигнут насколько-либо высокого уровня человеческого развития, но по крайней мере, когда они попытаются снова в будущей цепи, у них будет некоторое преимущество благодаря этому пусть и небольшому опыту человеческой жизни.

Наша земная эволюция также получила очень ценный стимул благодаря помощи, оказанной нам нашей сестрой — Венерой. Сейчас её цепь находится в своём пятом воплощении и в седьмом его круге, так что её обитатели на полторы цепи опережают нас в эволюции. И поскольку её население настолько более развито, чем наше, сочли желательным, чтобы некоторые адепты из эволюции Венеры были переведены на

нашу Землю, чтобы помогать в то особо напряжённое время перед закрытием двери в середине четвёртой расы.

Эти высокие существа назывались Владыками Пламени и Сынами Огненного Тумана, и они оказали на нашу эволюцию удивительный эффект. Интеллект, которым мы так гордимся, есть у нас почти исключительно благодаря их присутствию, ведь при естественном ходе событий лишь следующий, пятый круг должен был стать периодом интеллектуального развития, а в этом, четвёртом, мы должны были посвятить себя в основном культивированию эмоций. Потому мы в действительности намного опередили намеченную для нас программу, и такой прогресс произошёл всецело благодаря помощи, оказанной этими великими Владыками Пламени. Большинство их оставались с нами только в тот критический период нашей истории; немногие из них ещё занимают высшие должности в Великом Белом Братстве до того времени, пока люди нашей собственной эволюции не поднимутся на такую высоту, чтобы быть в состоянии освободить этих высоких посетителей от их обязанностей.

Эволюция, лежащая перед нами, касается и жизни, и формы; ведь в будущих кругах, в то время как наши «я» будут расти в силе, мудрости и любви, физические формы тоже станут более прекрасными и совершенными, чем когда-либо были. В наше время на Земле имеются люди, находящиеся на сильно различающихся стадиях эволюции, и ясно, что есть огромные множества дикарей, которые намного позади великих цивилизованных рас мира — настолько, что им уже совершенно невозможно догнать. Позже в ходе нашей эволюции будет достигнута точка, когда этим неразвитым душам будет больше невозможно продвигаться вместе с другими, так что необходимо будет разделение.

Оно в точности аналогично сортировке, которую проводить учитель в своём классе. За учебный год он должен подготовить учеников к определённому экзамену, и примерно к его середине он уже хорошо знает, кто из них сможет его сдать. Если в его классе будут оставаться те, кто безнадёжно отстали от остальных, он может вполне резонно сказать им в середине года: «Вам совершенно бесполезно будет продолжать с вашими товарищами, потому что более сложные уроки, которые я буду давать, будут вам полностью непонятны. Невозможно, чтобы вы выучились достаточно за время, оставшееся до экзамена, так что усилия будут для вас ненужным напряжением, а вы сами будете помехой для остального класса. Так что вам лучше перестать стремиться к невозможному, и попытаться опять пройти программу младшего класса, которую вы освоили не в совершенстве, а затем сдать этот экзамен с младшим классом в следующем году, ибо что не возможно для вас сейчас, тогда вам будет легко».

По сути это точно то, что сказано об определённой стадии будущей эволюции о самых отсталых «я». Они выпадут из класса этого года и продолжат со следующим. Подсчитано, что таким образом выпадет примерно $^2/_5$ человечества, позволив оставшимся $^3/_5$ гораздо быстрее продвигаться к той великолепной судьбе, что ожидает их впереди.

Данная статья представляет собой главу из книги «A Textbook of Theosophy» («Букварь теософии»).

А.П. Синнетт

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Несколько недавних ссылок в журнале «Path» касательно некоторых частей первоначальных эзотерических учений, воплощённых в моём «Эзотерическом буддизме», кажется, требуют некоторых ответных замечаний с моей стороны. Ряд критических высказываний по данному вопросу достиг своего апогея в статье, появившейся в июльском номере «Path», озаглавленной «Марс и Меркурий».

Затруднение состоит в следующем. В том учении, которое я получил от Учителей, мне определённо сказали, что планеты Марс и Меркурий образуют часть семеричной цепи, к которой относится и наш собственный мир. Это тот вопрос, который по своей ценности лишь поверхностно соприкасается с действительно серьёзным теософическим исследованием; но недавно возникшее противоречие затрагивает несколько глубочайших вопросов, влияющих на будущее благополучие Теософического Общества и прогресс всего [теософического] движения. Поэтому теперь я обязан вынести это на рассмотрение.

Долгое время после опубликования «Эзотерического буддизма» утверждение, касающееся Марса и Меркурия, не оспаривалось. Казалось едва ли возможным, что кто-нибудь, исполненный уважения к учению махатм, может взяться оспаривать его, поскольку — как это публично заявлялось — после публикации «Эзотерического буддизма» великий адепт, который информировал меня, написал мне недвусмысленное утверждение о том, что было опубликовано именно правильное понимание его учения. Его слова были такими: «Будьте уверены, что несмотря на некоторые незначительные ошибки и промахи ваш „Эзотерический буддизм“ являет собой единственное правильное представление — хотя и неполное — наших оккультных доктрин. Вы не допустили ни одной существенной, фундаментальной ошибки, и что бы там ни было выдано вам в будущем, это не войдёт в противоречие ни с одним предложением из вашей книги, а напротив, лишь прольёт дополнительный свет на любое кажущееся противоречие». В дальнейшие же годы, когда мадам Блаватская опубликовала «Тайную доктрину», я к своему великому удивлению обнаружил, что она представила совершенно новый взгляд на планетные цепи, полностью отличный от того, что было выдано ранее. Она утверждала, будто семь планет этой цепи представляют собой семь различных состояний этой нашей Земли, заставляя Марс с Меркурием не иметь ничего общего с эволюцией человеческого семейства, но просто быть такими же вещественными планетами других цепей, соответствующими Земле. На основании этого заявления некоторые ученики теософии из-за своей преданности мадам Блаватской чувствовали себя обязанными отложить в сторону более ранние учения махатм, переданные мною самим, и заявлять, что я неправильно понял данные мне инструкции. Именно эта

точка зрения очень энергично подчёркивается в журнале «Path» — в той статье г-на Джаджа, на которую обращалось внимание выше, — и наиболее важный вопрос, имеющий отношение ко всей этой истории — каким же было действительной положение самой мадам Блаватской в оккультном мире, и какой авторитет должен придаваться записям, которые она оставила после себя?

Я надеюсь, никто не примет те объяснения, которые я вынужден теперь давать, как подразумевающие отказ от моего уважения к мадам Блаватской, которое я всегда испытывал. В той фрагментарной биографии, которую я составил по её желанию и с её личной помощью и не без поддержки её родственников, под заголовком «Случаи из жизни мадам Блаватской» я показал, что она, несомненно, была в тесных отношениях с великими Учителями эзотерической мудрости. То обстоятельство, что она была одной из их частично посвящённых учеников, было так же бесспорно для каждого, кто сам был в независимом [от Е.П. Блаватской] соприкосновении с оккультным миром. Она была тем, кем она сама всегда себя называла — *чела*, или ученик махатм, описанный ими в общих чертах словом *упасика*, общеизвестном на Востоке как означающее женщину-*чела*. И когда это учение впервые попало ко мне — я тогда готовил материалы к книге, — мадам Блаватская нетерпеливо прочитала полученные в ответ на мои сложные вопросы письма, уверяя меня, что информация, которую они содержали, была почти такой же новой для неё, как и для меня самого — за тем исключением, что часть её уже присутствовала в её уме, хотя смутно и без каких-либо точных формулировок. Совершенно очевидно, что сначала я начал общение с Учителями именно через Блаватскую, и различными путями многие годы, в течение которых у неё было не так уж много других друзей, я пытался выказать ту признательность и благодарность, которую питал к ней. Но вопрос, с которым мы сейчас имеем дело, совершенно не касается личных взаимоотношений. Я должен защитить учение, которое было моим долгом представить, и теперь, когда на данный предмет было обращено такое явное внимание, я просто не могу позволить теософам и дальше полагать, будто я согласен с теми заявлениями, которые должны были подкорректировать моё точное представление оккультной доктрины.

Это не моё дело представлять гипотезы насчёт того странного недопонимания, в которое впала мадам Блаватская пока писала «Тайную доктрину», — не только в том, что касается этих вопросов о Марсе и Меркурии, но и относительно некоторых других пунктов, которые до сего времени ещё не привлекли к себе внимания. Существенное заключение, к которому, как я думаю, необходимо отослать все непредубеждённые умы Теософического Общества в процессе обсуждения данной темы, состоит в том, что мадам Блаватская была способна на совершение разных ошибок, стремясь усилить и расширить оккультное учение махатм. В попытке показать на с. 163 т. I «Тайной доктрины», что я неверно истолковал учение о Марсе и Меркурии, мадам Блаватская цитирует мой вопрос Учителю К.Х. и его ответ.

Здесь я должен добавить несколько слов пояснения обстоятельств, при которых на корреспонденцию по данному вопросу стало возможным ссылаться. Когда я вернулся в Англию в 1883 году и опубликовал «Эзотерический буддизм» — задолго до того, как мадам Блаватская даже подумывала о возвращении в эту страну — самые серьёзные теософы тех дней с чрезвычайным нетерпением просили показать им оригиналы записей, на основе которых этот том был написан. Я зачитывал отрывки данной переписки на собраниях Общества, и многочисленные члены энергично уговаривали меня дать разрешение на то, чтобы снять копии с писем. Я переадресовал эти просьбы самому Учителю, и сначала он довольно определённо высказался против этой идеи. Те письма, как он выразился, были написаны именно для меня, чтобы информировать мой собственный ум, поскольку я, в свою очередь, должен был впоследствии привести их к нормальному литературному виду. Они бы не были понятными другим, не знакомым с ходом этой переписки по обеим сторонам, и т.д. Однако крайнее желание определённых теософов заставило меня почувствовать, будто я эгоистично держал у себя эти документы, перед которыми мы все испытывали чувство искреннего благоговения; и некоторое время спустя меня вынудили снова обратиться к Учителю, чтобы он позволил сделать копии некоторых из писем. Тогда он дал мне такое разрешение, приказав взять торжественное обещание от лиц, которым я давал копии, что они никогда не попытаются как-либо их использовать без моего личного одобрения. Под этими условиями огромная часть моей переписки с махатмами — насколько она касалась теософического учения — была переписана и некоторое время сохранялась лицами, которые получили их. Несколько же лет спустя, когда мадам Блаватская уже проживала в этой стране, она естественно оказывала огромное влияние на колоссальное число членов Общества. Она пожелала, чтобы один из них отдал ей копии писем, которые он получил от меня. Она убедила его, что её приказ выше данного им обещания, и он отдал ей эти бумаги. С тех пор они разбросаны по всему миру так широко, что я даже видел выдержки из них в «Path» и ещё много где. Из-за отсутствия правильного толкования, которое было бы очевидно всем, если бы настоящие письма были опубликованы целиком, появляется непонимание и тех [опубликованных] частей, которые составляют лишь половину корреспонденции.

Теперь, в действительности вопрос относительно Марса был таким: «Какие планеты из тех, что известны обычной науке, кроме Меркурия, относятся к нашей системе миров?» Вопрос этот принял такой вид потому, что информация, касавшаяся ассоциации Меркурия с нашей цепью миров как следующей планеты, на которой данному человечеству предназначено развиваться, давалась мне ранее. Ответ был следующим: «Марс и четыре другие планеты, о которых астрономия ничего не знает. Ни A, B, ни Y, Z не известны; они также не могут быть видимы физическими средствами, даже усовершенствованными». Этот ответ в «Тайной доктрине» процитирован неправильно. Там он звучит так: «Марс *и т.д.*, и четыре другие планеты…» Вставка этого «и т.д.» задаёт окраску той точки зрения, которой мадам Блаватская в то время придерживалась, то есть будто я хотел задать вопрос о *нашей цепи*, а Учитель подумал, что я спрашиваю о *солнечной системе* в целом.

Эта идея достаточно странна для оккультиста. Адепт, имея дело со своим учеником, не мог бы допустить такой ошибки. Но внутреннее свидетельство делает очевидным, что такой ошибки и не было. Если бы вопрос относился к солнечной системе, то он был бы просто абсурдным. «Какие планеты кроме Меркурия относятся к солнечной системе?» В таком виде это просто смешно — ответ тоже, — «Марс и четыре другие…», невидимые в телескопы. А как насчёт Юпитера и Сатурна, да и всех невидимых планет других систем миров? Мадам Блават-

ская, как осведомлены все её близкие, была способна на любую мыслимую ошибку в вопросах физической науки. Её ум абсолютно не дружил со всеми такими вещами. Но как такой промах могли допустить её друзья, помогавшие ей с доказательствами для «Тайной доктрины», даже если бы они и не знали ничего о том, что это «и т.д.» было вставкой, — это очень удивительно. Наконец, будь выяснено, что «A, B, и Y, Z» были заранее условленными обозначениями в тот период моей переписки с Учителем для первого, второго, шестого и седьмого глобусов нашей цепи. Это замечание о том, что может иметь место какая-то двусмысленность в вопросе или в ответе в данных обстоятельствах есть просто оскорбление здравому смыслу, не говоря уже о мудрости адептов. Я уполномочен добавить, что очень недавно, несколько месяцев назад, т.к. этот предмет снова обсуждался, Учитель сам в разговоре со мной дал такой комментарий данной ситуации: «Если бы я был способен заигрывать с истиной и жонглировать словами так, как то было мне приписано, то ни одна строчка из всех моих записей, которые хранятся у тебя, не стоила бы и бумаги, на которой написана».

Некоторым лицам, знакомым с принципами оккультизма, будет странно слышать, что я привожу слова Учителя, предназначенные мне. Отношения, завязавшиеся в прошлом между Ним и моей скромной персоной, носят такого рода характер, что могут оборваться только по причине плохого поведения или неверности со стороны ученика. Пока мадам Блаватская была жива, я имел привилегию поддерживать связь с Учителем самостоятельно через каналы, о которых она ничего не знала, и мне не рекомендовалось о них говорить. Теперь такой запрет снят. Мадам Блаватская не могла терпеть ничего, что попахивало бы посягательством на её права как основательницы Теософического Общества, и при её жизни никому не позволялось обращаться к Обществу от имени Учителей. Но по размышлении станет очевидно, что если только вся схема оккультного обучения не является тоже иллюзией, неофиты по прошествии времени должны войти в сферу личного наставления со стороны Учителей. В этом отношении мы сейчас входим в новую эру. Я, должно быть, последний человек, претендующий на какую-либо монополию — которой в некотором смысле пользовалась мадам Блаватская — относительно передачи слов Учителей. Теперь, мне кажется, уж не осталось никого в Обществе, кто проявил бы такое неблагоразумие и заявил бы нечто подобное. Но поскольку раньше моим долгом стало изложить учение махатм перед миром, то нет ничего странного в том, что подобные вопросы снова напомнили о себе. Имея это в виду, я обязан в разгар разразившегося кризиса говорить более откровенно, чем то было бы необходимо при других обстоятельствах. Я отлично знаю, что для многих теософов мадам Блаватская была олицетворением всего теософического движения, но какой бы величиной она ни была, само это движение есть нечто намного более великое. Для многих таких людей Блаватская могла быть единственным учителем, от которого они получали оккультное знание. Велико моё уважение за её достижения, за её усердие и самоотдачу той работе, которую она проделала. Тем не менее, это факт — сам я получал теософическое учение не напрямую от неё, но именно так, как я описал; и задолго до её смерти мои отношения с Учителем прекрасно развивались через одного из его *чела*, без всякой помощи мадам Блаватской. Это должно бы самым решительным образом явиться огромным облегчением тем серьёзным работникам теософического движения, потому что это доказывает возможность независимой линии подтверждения всего, что говорила Блаватская, а также и широко обсуждаемого факта существования Учителей.

После цитаты из моего письма, данной в «Тайной доктрине» вышеописанным образом, в данном томе следует и другое письмо со множеством пропущенных отрывков, в которые мадам Блаватская, видимо, внесла исправления, которые она получила от самого Учителя, подтверждая тем самым свою позицию относительно планетных цепей. И опять, здесь необходим небольшой комментарий на эту запутанную ситуацию, хотя это и непросто. Я могу лишь сказать, что пропущенные абзацы существенно меняют толкование, которое можно дать этому письму. И неправильно считать, что некоторые слова, очевидно вписанные рукой мадам Блаватской в скобках, принадлежали оригиналу.

Разумеется, это не очень-то важно для большинства людей в этой стране, которые впервые пробудились и прочувствовали всю важность теософического учения, — связаны ли Марс и Меркурий с Землёй описанным образом, или же нет. Что действительно имеет громадное значение — для того, чтобы [теософическое] движение, продолжаемое рационально и верное своим принципам, всегда было живой и здоровой организацией, причастной высшей мудрости — нужно, чтобы все заинтересованные в его прогрессе лица избегали подобной ошибки — принятия слов мадам Блаватской (или кого-либо ещё, кроме Учителей) за истину в последней инстанции, последнее слово эзотерического учения и безошибочное откровение — чтобы не создать новую организацию, существующую на основе догматического писания, и не повести человеческие умы ещё раз в болота фанатизма и сектантства.

Несколько слов в заключение также необходимо сказать по поводу некоторых заявлений из недавней статьи м-ра Джаджа. Когда он говорит, что оба Учителя, которые имели дело с «Эзотерическим буддизмом» и «Тайной доктриной» чётко решили, что первое — ни один из глобусов земной цепи не видим с её поверхности, и т.д. и т.д., и что «м-р Синнетт неправильно понял их, когда решил, что они имели в виду, что Марс и Меркурий были двумя из шести глобусов-спутников Земли», — то я лишь могу уверить всех тех, кто понимает, что я имею право говорить с некоторой претензией быть выслушанным по данному вопросу, что я абсолютно уверен, что м-р Джадж тут полностью ошибается, а Учителя никогда не говорили ничего подобного. Тот аргумент, который как бы показывает полное соответствие семеричной планетной цепи с семью принципами человека, полностью основан на неверной аналогии. Это было бы так же обоснованно, как провести аналогию между семью человеческими принципами и семью днями недели. Существует аналогия между принципами человека и принципами *Земли* (или любой другой планеты, видимой или невидимой), но семь — это ужасный камень преткновения для изучающих теософию, которые знают, что в этом числе что-то есть, и больше ничего о нём не знают.

Наконец, цитируя одно из писем, написанных для меня Учителем и полученных при вышеописанных обстоятельствах, м-р Джадж представляет его говорящим следующее: «Вы задаёте мне вопросы, относящиеся к высшему посвящению. Я могу дать общий вид, но не могу и не смею входить в детали». Это было едва ли честно со стороны м-ра Джаджа приводить эти слова, будто они относятся к обсуждаемому вопросу. Они касались того, что совершенно не относится к Марсу и Меркурию, и были заданы по совершенно другому поводу.

«The Path», сентябрь 1893.
Перевод с английского А.А.Б.

Дэвид Фроули

МИФ ОБ АРИЙСКОМ ВТОРЖЕНИИ В ИНДИЮ

Одна из основных идей, используемых для интерпретации, и обычно, принижения древней истории Индии — это теория об арийском вторжении. Согласно ей, около 1500–1000 г. до н.э. Индия была покорена вторгнувшимися в неё из Средней Азии кочевыми светлокожими индоевропейскими племенами, которые сбросили ранее существовавшую там более развитую цивилизацию темнокожих дравидов, от которых они заимствовали бо̀льшую часть того, что позже стало индийской культурой. Утверждается, что свидетельствами существования этой так называемой доарийской цивилизации являются развалины больших городов, относимых к «культуре долины Инда» (поскольку большинство первоначальных её городов были на этой реке). Война между силами света и тьмы, идея, преобладающая в древнеарийских ведических писаниях, толковалась в смысле войны между светлокожими и темнокожими народами. Теория арийского вторжения таким образом превратила Веды, изначальные писания древней Индии и индоариев, в немногим более чем примитивные сказания нецивилизованных завоевателей.

Но эта идея, совершенно чуждая истории Индии, будь то северной или южной, стала почти что не подлежащей сомнению истиной в интерпретации древней истории. Теперь, после того как почти все доводы в пользу её верности опровергнуты, даже ведущие западные учёные наконец начинают ставить её под вопрос.

В этой статье мы суммируем основные моменты. Это сложный вопрос, который я тщательно разобрал в своей книге «Боги, мудрецы и цари: ведические тайны древней цивилизации»*, к которой отсылаю заинтересовавшихся в дальнейшем исследовании этого вопроса.

Культура долины Инда была объявлена доарийской по нескольким причинам, которые были по большей части были обусловлены культурной средой и европейским мышлением XIX в. Так как учёные вслед за Максом Мюллером решили, что арии пришли в Индию около 1500 г. до н.э., то поскольку культура долины Инда была древнее этой даты, они заключили, что она должна быть доарийской. Но обоснование такой поздней даты появления арийской культуры Мюллером — чисто спекулятивное. Подобно многим христианским учёным его времени он верил в библейскую хронологию, а это помещало сотворение мира около 4000 г. до н.э., а потоп — около 2500 г. до н.э. Принимая обе эти даты, трудно поместить ариев в Индии ранее 1500 г. до н.э.

Потому Мюллер предположил, что было пять слоёв четырёх Вед и Упанишад, сочинённых 200-летними периодами, предшествовавшими Будде, который жил около 500 г. до н.э. Однако, в само̀м ведическом санскрите произошло больше языковых изменений, чем в классическом санскрите со времён Панини, который, как считается, жил в 500 г. до н.э., — то есть, за 2500 лет. Потому ясно, что каждый из этих периодов мог продолжаться любое количество веков, а цифра в 200 лет совершенно произвольна и скорей всего слишком мала.

Этими учёными, многие из которых были также христианскими миссионерами, не симпатизировавшими Ведам, было предположено, что ведическая культура была культурой примитивных кочевников Средней Азии. А потому мол последние не могли основать никакой городской культуры, подобной культуре долины Инда. Единственным основанием для этого было довольно сомнительное толкование Ригведы, которое они сделали, игнорируя сложную природу культуры, заключённой в ней.

Также указывалось, что в середине второго тысячелетия до н.э. на Ближнем Востоке по-видимому произошло несколько индоевропейских вторжений, после которых индоевропейские народы хиттиты, миттани и касситы управляли захваченной ими Месопотамией в течение нескольких столетий. Арийское вторжение в Индию могло быть ещё одним вариантом того же движения индоевропейских племён. Венчало это утверждение археологов, исследовавших долину Инда, таких как Уилер, считавших, что они нашли свидетельства уничтожения её культуры внешним вторжением.

Таким образом ведическая культура была объявлена культурой примитивных кочевников, пришедших из Средней Азии со своими колесницами и железным оружием и разрушивших города более развитой культуры долины Инда благодаря более совершенной военной тактике. Указывалось, что в городах долины Инда не было найдено ни лошадей, ни колесниц, ни железа.

Вот как сформировалась и сохранялась теория об арийском вторжении. Хотя такого, что её подтверждает, было открыто мало, было много колебаний насчёт того, можно ли поставить её под сомнение, а уж тем более — отбросить.

Дальнейшие раскопки открыли лошадей не только в городах долины Инда, но и в более ранних. Таким образом, было доказано, что лошадь использовалась на всём протяжении древней индийской истории. Были найдены также свидетельства применения колеса, а также печати долины Инда, изображающие колесо со спицами, как у колесниц, что указывало на использование колесниц.

Более того, вся теория про кочевников с колесницами была оспорена. Колесницы не являются повозками кочевников. Они использовались только в древних городских культурах, причём там, где много равнин, и речные долины северной Индии весьма для этого подходили. Колесницы совершенно не годятся для пересечения гор и пустынь, что требовалось для так называемого арийского вторжения.

Идея о том, что ведическая культура использовала железо, а потому должна датироваться позже 1500 г. до н.э., вращается вокруг значения ведического термина «айас», который интерпретировался как «железо». Но в других индоевропейских языках, как латинский и немецкий, этим словом обычно обозначали медь, бронзу или вообще руду, а не конкретно железо. Потому нет оснований настаивать, что в ранние ведические времена «айас» означало железо, тем более что другие металлы в Ригведе вообще не упоминаются (кроме золота, которое упоминается гораздо чаще, чем «айас»). Более того, Атхарваведа и Яджурведа говорят о разных цветах «айаса» (таких как красный и чёрный), что показы-

* David Frawley, «Gods, Sages and Kings: Vedic Secrets of Ancient Civilization».

вает, что это был общий термин. Потому ясно, что обычно это означало просто металл, а не обязательно железо. Более того, враги ведических народов в Ригведе тоже использовали «айас» — даже для постройки своих городов, как и сами ведические народы. Потому в ведической литературе нет ничего такого, что бы показывало, что ведическая культура основывалась на железе, а культура её врагов — нет.

Ригведа описывает своих богов как «разрушителей городов». Это тоже использовалось для того, чтобы считать её порождением примитивной, не имеющей городов культуры, которая разрушает города и городскую цивилизацию. Однако в Ригведе есть и много стихов, в которых говорится об ариях как об имевших собственные города и находивших в них защиту. Количество этих городов доходит до сотни. Арийские боги, такие как Индра, Агни, Сарасвати и Адитьи, восхвалялись, как подобные городам. Многие древние цари, в том числе цари Египта и Месопотамии, носили титулы разрушителей или покорителей городов, но это не превращает их в кочевников. Разрушение городов случается и при современных войнах, но это не делает их разрушителей кочевниками. Потому идея о том, что ведическая культура только разрушала, но не строила города, основывается на игнорировании того, что Веды говорят о собственных городах ариев.

Дальнейшие раскопки открыли, что культура долины Инда была разрушена не внешним вторжением, а внутренними причинами (вероятнее всего, наводнениями). Совсем недавно в Индии открыли новый ряд городов (как открытые С.Р. Рау и Национальным Институтом Океанографии Индии г. Дварака и Бет Дварака), которые представляют собой нечто переходное между городами культуры Инда и более поздними городами древней Индии, посещавшимися древними греками. Это позволяет исключить так называемую «тёмную эпоху», следующую за предполагаемым арийским вторжением и показывает непрерывную городскую культуру Индии с самого начала культуры долины Инда.

Интерпретация религии долины Инда, сделанная походя такими исследователями как Уилер, которые не были религиоведами, а тем более знатоками индуизма, была такой, что эта религия отличалась от ведической, а скорее — от поздней шиваитской религии. Однако более поздние раскопки как в долине Инда в таких местах как Лотхал (штат Гуджарат), так и в Калибангане (Раджастхан) открыли большое количество алтарей для сожжения, подобных используемым в ведической религии, вместе с костями быков, черепками, украшениями из раковин и прочими предметами, применяемыми в ритуалах, описанных в Брахманах. Это сходство с ведическими практиками не может быть простым совпадением. А то, что некоторые из практик показались археологам неведическими, можно отнести на счёт их неверного понимания и общего недостатка знаний в ведической и индусской культуре, в которой ведизм и шиваизм принадлежат к одной и той же по основе традиции.

Мы должны помнить, что остатки городов не обязательно могут иметь только одну интерпретацию, а способность их открывать не обязательно означает способность интерпретировать их верно.

О ведическом народе обычно думают как о светлокожей расе, похожей на европейцев, и это из-за идеи о борьбе светлых и тёмных, а также из-за того, что ведические народы были представлены как дети света и Солнца. Но идея о войне между светом и тьмой присутствует в большинстве древних культур, включая персидскую и египетскую. Почему же мы не толкуем их писания в смысле войны между светлокожими и темнокожими народами? Это всего лишь поэтическая метафора, а не культурологическое заявление. Кроме того, никаких реальных следов такой расы в Индии не находится.

Антропологи заметили, что современное население Гуджарата состоит более или менее из тех же этнических групп, что зафиксированы в Лотхале в 2000 г. до н.э. Аналогично и нынешнее население Пенджаба по их заявлениям этнически является тем же самым, что и население Хараппы и Рупара 4000 лет назад. Лингвистически сегодняшнее население Гуджарата и Пенджаба принадлежит к индоарийской языковой группе. Единственный вывод, который можно сделать из вышеприведённых антропологических и лингвистических свидетельств, состоит в том, что хараппское население долины Инда и Гуджарата в 2000 г. до н.э. состояло из двух или более групп, доминирующая из которых имела очень сильное этническое родство с современным индоарийским по языку населением Индии. Иными словами, расовых свидетельств такого индоарийского вторжения в Индию нет; напротив, есть лишь свидетельства непрерывного проживания там группы народов, традиционно считающих себя ариями.

Фактически, есть много моментов, доказывающих ведическую природу культуры долины Инда. Последующие раскопки показали, что большинство городов этой культуры находились к востоку, а не к западу от Инда. Фактически, самая большая концентрация городов по-видимому была в районе Пенджаба и Раджастхана возле сухих берегов древних рек Сарасвати и Дришадвати. Сказано, что ведическая культура была основана мудрецом Ману между реками Сарасвати и Дришадвати. В Ведах Сарасвати названа главной рекой (надиатма), и упоминается наиболее часто. Там сказано, что это очень полноводная и широкая река, даже бесконечная. Сарасвати названа «чистой в течении от гор до моря». Так что ведические народы были хорошо знакомы с этой рекой и считали её своей родиной с незапамятных времён.

Как показывают современные геологические исследования, Сарасвати была одной из величайших рек Индии, если не самой большой. В доисторические и ранние исторические времена она вбирала в себя Сутледж, Ямуну и Ганг, русла которых отличались от современных. Однако Сарасвати пересохла в конце эпохи культуры долины Инда, ещё до так называемого арийского вторжения, то есть до 1500 г. до н.э. Фактически, это и могло быть одной из причин конца культуры долины Инда. Как же тогда могли знать арии об этой реке и установить на её берегах свою культуру, если она высохла ещё до того, как они пришли? В действительности в Ригведе Сарасвати описана такой, какой она была ещё до развития культуры долины Инда, тогда как в эпоху этой цивилизации она стала уже постепенно высыхать.

Веды и более поздняя ведическая литература также содержат интересные астрономические предания. Ведический календарь основывается на астрономических наблюдениях равноденствий и солнцестояний. Такие тексты как «Веданга джйотиш» говорят о времени, когда летнее солнцестояние было в середине накшатры Ашлеша (около 23°20' Рака). Это даёт 1300 г. до н.э. Яджурведа и Атхарваведа говорят о весеннем равноденствии в Криттика (Плеяды; начало Тельца), а о летнем солнцестоянии (аяна) в Магхе (начало Льва). Это

даёт примерно 2400 г. до н.э. Упоминаются даже более ранние даты, но эти две имеют многочисленные упоминания в свою поддержку. Они доказывают, что в эти периоды ведическая культура существовала и уже имела сложную систему астрономии. Такие свидетельства просто игнорировались западными учёными или объявлялись непонятными, потому что давали Ведам более раннюю датировку, чем они предполагали, а не потому что их не было.

Ведические тексты, такие как Шатапатха-Брахмана и Айтерея-Брахмана, дающие эти астрономические ссылки, перечисляют группу 11 ведических царей, включая несколько персонажей Ригведы, о которых сказано, что они покорили область Индии «от моря до моря». Земли ариев, упомянутые в них, — от Гандхары (Афганистан) на западе до Видехи (Непал) на востоке, а на юге — до Видарбхи (штат Махараштра). Следовательно, ведические народы были в тех областях уже на момент нахождения весеннего равноденствия в накшатре Криттика, или до 2400 г. до н.э. Эти высказывания также игнорируются западными учёными. Они утверждают, что в Ведах не имеется свидетельств существования больших империй в Индии в ведические времена. То есть существует шаблон игнорирования письменных свидетельств или превратного их толкования в угоду превалирующей идее об арийском вторжении — вплоть до изменения смысла слов Вед.

Согласно этой теории, ведические народы были кочевниками в Пенджабе, пришедшими из Средней Азии. Однако сама Ригведа содержит почти 100 упоминаний океана (самудра), равно как и десятки упоминаний судов, а также рек, впадающих в море. Ведические предки, такие как Ману, Турваша, Яду и Бхуджью — персонажи рассказа о потопе, спасённые откуда-то из-за моря. Ведический бог моря, Варуна, — отец многих ведических риши и их семей — таких как Васиштха, Агастья и Бхригу. Для спасения идеи об арийском вторжении стали считать, что ведический (и позднее, санскритский) термин для океана — самудра — не означал первоначально океана, а мог указывать на любое большое пространство воды, особенно на реку Инд в Пенджабе. Но Ригведа и более поздние источники дают свидетельство ясного смысла этого термина, так как разные реки, такие как Сарасвати, упомянуты там по названиям, и о них сказано, что они впадают в море, однако смысл был изменён, чтобы соответствовать теории об арийском вторжении. Если мы посмотрим в указатель к переводу Ригведы, например Гриффита, который сам придерживается этой идеи, что «самудра» не значит «океан», мы найдём более 70 упоминаний океана или моря. Но если это слово не значит «океан», то почему оно переведено так? Потому идея помещать ведических царей в Среднюю Азию, вдали от океанов и полноводной реки Сарасвати, дающих географический фон повествования и символизм гимнов, совершенно безосновательна.

Одна из новейших археологических идей заключается в том, что свидетельством ведической культуры является расписная серая керамика из северной Индии, датируемая 1000 г. до н.э. и происходящая из того же региона между Гангом и Ямуной, с которым соотносят позднюю ведическую культуру. Её считают низкосортной культурой керамики и связывают с использованием железа, которое, как считается, упоминается в Ведах. Однако она связана с культурой рисоводства и свиноводства, а не с ведической культурой, основанной на корове и ячмене. Более того, теперь выяснено, что она является органическим развитием местной керамики, а не нововведением завоевателей. Эта культура серой керамики представляет собой развитие туземной культуры и не отражает никакого культурного вторжения с запада. Потому нет никакого археологического свидетельства, подтверждающего индо-арийское вторжение.

В дополнение ко всему, арии Ближнего Востока, особенно хиттиты, уже были в том регионе как минимум в 2200 г. до н.э., когда они упомянуты. Потому идею арийского вторжения на Ближний Восток нужно отодвинуть на несколько столетий назад, хотя есть свидетельства, что народы горных областей Ближнего Востока были индоариями на протяжении всей писанной истории.

Арийские касситы Ближнего Востока поклонялись ведическим богам — таким как Сурья и Маруты, а также одному по имени Хималая. Арийские хиттиты и миттани около 1400 г. до н.э. подписали договор, скрепив его именами Индры, Митры, Варуны и Насатьев. У хиттитов есть трактат о соревновании на колесницах, написанный почти на чистом санскрите. Индоевропейцы древнего Ближнего Востока, таким образом, говорили на индоарийских, а не на индоиранских языках, а потому демонстрируют в том регионе ведическую культуру.

Культура долины Инда имела свою форму письменности, о чём свидетельствуют многочисленные печати, найденные в развалинах. Её тоже считают неведической и, вероятно, дравидской, хотя это никогда не было доказано. Теперь показано, что большинство поздних знаков из долины Инда идентичны индусскому письму брахми, и что от одного письма к другому шло органичное развитие. Теперь преобладающие модели предполагают, что этот язык имел индоарийскую основу.

Полагали также, что культура долины Инда заимствовала свою цивилизацию с Ближнего Востока, вероятно, от шумеров, так как предшественников её в Индии найдено не было. Но недавние раскопки французов в Мехргархе показали, что всех необходимых предшественников этой культуры можно найти в пределах индийского субконтинента и они прослеживаются вплоть до 6000 г. до н.э.

Короче говоря, некоторые западные учёные уже начинают отрицать арийское вторжение или какое-то внешнее происхождение индийской цивилизации.

Имеющиеся сейчас археологические данные не подтверждают существования индоарийского или европейского вторжения в южную Азию в какой-либо исторический или доисторический период. Вместо этого можно археологически документировать ряд культурных изменений, отражающих аборигенное культурное развитие от доисторического периода. Ранняя ведическая литература описывает не вторжение в регион, а фундаментальную перестройку местного общества. Арийское вторжение как академическая концепция XVIII–XIX веков отражало лишь европейскую культурную среду того периода. В оправдание этой концепции использовались лингвистические данные, а она в свою очередь применялась для интерпретации археологических и антропологических данных.

Иными словами, ведическая литература толковалась на основе предположения, что арийское вторжение было, а затем археологические свидетельства интерпретировались в том же ключе. А затем обе интерпретации использовались для оправдания друг друга. Это ничто иное, как

тавтология, упражнение в замкнутой логике, которое доказывает только то, что если мы примем что-либо за истину, это для нас и окажется истиной!

Ещё один современный западный учёный, Колин Ренфрью, помещает индоевропейцев в Греции в седьмом тысячелетии до н.э. Он также предполагает, что 6000 г. до н.э. мог быть возможной датой их прихода в Индию. Но насколько я могу видеть, в гимнах Ригведы нет ничего, что бы показывало, что население, говорившее на ведическом языке, было пришлым. Скорей всего это происходит от того же предположения о приходе индоевропейцев.

Когда Уилер говорит об арийском вторжении в землю семи рек, Пенджаб, он не имеет, насколько я могу видеть, никаких доказательств этому. Если проверить дюжину упоминаний семи рек в Ригведе, в них не находится ничего, что указывало бы мне на вторжение: страна семи рек — это страна Ригведы, сцена, на которой разворачивается действие. Не следует оттуда и то, что обитатели городов, окружённых стенами (включая дасьев) были туземцами в большей степени, чем сами арии.

Несмотря на комментарии Уилера, трудно увидеть, что же такого конкретно неарийского есть в цивилизации долины Инда. Потому Ренфрью предполагает, что тамошняя цивилизация фактически была индоарийской ещё до эпохи культуры долины Инда:

> «Эта гипотеза, что в северной Индии, Пакистане и на Иранском плато говорили на индоевропейских языках ещё в VI тысячелетии до н.э., имеет то преимущество, что она симметрично гармонирует с теорией о происхождении индоевропейских языков в Европе. Она также подчёркивает преемственность культуры долины Инда и прилегающих областей с раннего неолита до эпохи цивилизации долины Инда.»

Это не значит, что такие учёные ценят или понимают Веды — в этом отношении их работа оставляет желать лучшего, — но ясно то, что всё сооружение, выстроенное вокруг теории арийского вторжения, начинает рушиться со всех сторон. В дополнение к тому, это не значит, что Ригведа датируется эпохой культуры долины Инда. Последняя скорее напоминает культуру, связанную с Яджурведой, а культура Ригведы отражает доиндский период, когда более видную роль играла река Сарасвати.

Принятие таких взглядов могло бы вызвать такую же революцию в наших представлениях об истории, какую теория относительности Эйнштейна вызвала в физике. Она сделает древнюю Индию, возможно, старейшей, величайшей и самой центральной среди древних культур. Это может означать, что ведическая литература, уже самая обширная и старая в древнем мире даже на 1500 год до н.э., может быть записью учений, на несколько столетий или тысячелетий предшествовавших этой дате. Это может означать, что Веды — самый аутентичный из имеющихся у нас документ древнего мира. Это также может оправдать ведическое воззрение, что индоевропейцы и другие арийские народы были мигрантами из Индии, а не арии вторглись туда. Более того, это утвердит индусское предание о том, что дравиды были ранним ответвлением ведических народов через риши Агастью, а не являются неарийскими племенами.

В заключение важно исследовать социальные и политические аспекты идеи об арийском вторжении:

• Во-первых, она служила разделению Индии на северную арийскую и южную дравидскую культуры, настроив их враждебно по отношению друг к другу.

• Во-вторых, она дала англичанам оправдание их оккупации Индии. Они могли заявить, что делают то же самое, что арийские предки индусов сделали тысячелетия назад.

• В-третьих, она позволяла объявить ведическую культуру более поздней и, возможно, происходящей от ближневосточных культур. Учитывая близость и связь последних с христианством, это позволяло считать индусскую религию побочным ответвлением религии и цивилизации Запада.

• В-четвёртых, она позволяла приписать наукам Индии греческую основу, так как всякая ведическая основа отметалась на основе представлений о примитивном характере ведической культуры.

Это лишало доверия не только Веды, но и генеалогии, даваемые в Пуранах; длинный список царей, предшествовавших Будде и даже Кришне, лишали исторического обоснования. Махабхарата, вместо междуусобной войны, в которой участвовали главные цари Индии (как собственно так и описано), стала местной заварушкой между мелкими князьками, впоследствии преувеличенной поэтами. Короче, это дискредитировало бóльшую часть индийских преданий и почти всю древнеиндийскую литературу. Это превращало писания и мудрецов Индии в фантазии и преувеличения.

Это служило социальным, политическим и экономическим целям колониализма, доказывая превосходство западной культуры и религии. Это заставляло индусов чувствовать, что их культура не такая уж великая, как говорили их предки и мудрецы, заставляло их стыдиться своей культуры, думая, что её основа не является ни исторической, ни научной. Это склоняло их к чувству, что генеральная линия цивилизации развивалась сначала на Ближнем Востоке и затем в Европе, а культура Индии была периферийной и вторичной по отношению к настоящему развитию мировой культуры.

Такие взгляды не имеют отношения к добросовестной науке или археологии, а являются просто культурным империализмом. Западные ориенталисты сделали в интеллектуальной сфере то же самое, что британская армия сделала в военной — дискредитировали, разделяли и подчиняли индийцев. Короче говоря, причины, побудившие создать теорию об арийском вторжении, не были ни источниковедческими, ни археологическими — они были политическими и религиозными. То есть это не наука, а предубеждение. Такие предрассудки могли быть и ненамеренными, но глубоко укоренившиеся политические и религиозные взгляды легко затуманивают наше мышление.

К сожалению, этот подход не ставился под вопрос — даже индийцами. Хотя индийские пандиты, такие как Даянанда Сарасвати, Бал Гангадхар Тилак и Ауробиндо отрицали его, большинство индийцев сегодня пассивно его принимают. Они позволяют западным (главным образом, христианским) учёным интерпретировать их историю для них же, а роль индуизма держится приниженной. Многие индийцы всё ещё принимают, читают и даже чтут переводы Вед, сделанные христианскими миссионерскими учёными, такими как Мюллер, Гриффит, Моньер-Вильямс и Вилсон. Стали бы современные христиане принимать толкования Библии и интерпретации библейской истории, сделанные индусами с целью обратить их в индуизм? Университеты в Индии тоже используют западные книги по истории и западные переводы ведической литературы, проповедующие такие взгляды, тем самым очерняя свою собственную страну и культуру.

Современный западный академический мир чувствителен к критике, касающейся культурных и социальных предрассудков. Для учёных восстать против этой предвзятой интерпретации Вед будет поистине означать пересмотр многих из тех исторических идей, которые не

могут выдержать объективного исследования. Но если индийские учёные будут молчать или пассивно принимать превратное толкование их собственной культуры, оно будет несомненно продолжаться, но им некого будет в этом винить, кроме самих себя. Это не такой вопрос, к которому можно относиться легкомысленно, потому что то, как культуру определяют исторически, формирует перспективу, в которой она рассматривается в современном общественном и интеллектуальном контексте. Проявлять терпимость — это не значит позволять пропагандировать ложные взгляды на свою собственную религию, не ставя их под вопрос. Это просто предательство самих себя.

Литература

1. Атхарва-веда, IX.5.4.
2. Риг-веда, II.20.8 & IV.27.1.
3. Риг-веда, VII.3.7; VII.15.14; VI.48.8; I.166.8; I.189.2; VII.95.1.
4. S.R. Rao, «Lothal and the Indus Valley Civilization», Asia Publishing House, Bombay, India, 1973, p. 37, 140 & 141.
5. Там же, p. 158.
6. Ману Самхита, II.17-18.
7. Риг-веда, II.41.16; VI.61.8-13; I.3.12.
8. Риг-веда, VII.95.2.
9. Исследоования аспирантуры Исследовательского Института Декканского колледжа (Пуна) и Института Исследований Засушливой Зоны Центральной Азии (CAZRI), Джодхапур. Подтверждены при помощи мультиспектрального сканера (MSS) и спутниковых фотографий Landsat. См. MLBD Newsletter (Delhi, India: Motilal Banarasidass), Nov. 1989. Также см. Sriram Sathe, «Bharatiya Historiography», Itihasa Sankalana Samiti, Hyderabad, India, 1989, pp. 11-13.
10. «Vedanga Jyotisha of Lagadha», Indian National Science Academy, Delhi, India, 1985, pp 12-13.
11. Айтарея Брахмана, VIII.21-23; Шатапат Брахмана, XIII.5.4.
12. R. Griffith, «The Hymns of the Rig Veda», Motilal Banarasidas, Delhi, 1976.
13. J. Shaffer, «The Indo-Aryan invasions: Cultural Myth and Archeological Reality», из J. Lukas (ред.), «The people of South Asia», New York, 1984, p. 85.
14. T. Burrow, «The Proto-Indoaryans», Journal of Royal Asiatic Society, No. 2, 1973, pp. 123-140.
15. G. R. Hunter, «The Script of Harappa and Mohenjodaro and its connection with other scripts», Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., London, 1934. J.E. Mitchiner, «Studies in the Indus Valley Inscriptions», Oxford & IBH, Delhi, India, 1978. Также см. Subhash Kak, «A Frequency Analysis of the Indus Script», Cryptologia, July 1988, Vol XII, No 3; «Indus Writing», The Mankind Quarterly, Vol 30, No 1 & 2, Fall/Winter 1989; и «On the Decipherment of the Indus Script A Preliminary Study of its connection with Brahmi», Indian Journal of History of Science, 22(1):51-62 (1987). Субхаш Как может быть близок к расшифровке письменности долины Инда в язык, подобный классическому или ведическому санскриту.
16. J.F. Jarrige and R.H. Meadow, «The Antecedents of Civilization in the Indus Valley», Scientific American, August 1980.
17. C. Renfrew, «Archeology and Language», Cambridge University Press, New York, 1987.

Дэвид Фроули — известный исследователь Вед, возглавляет Американский Институт Ведических Исследований в Санта-Фе, штат Нью-Мексико. Он также знаменит как врач-аюрведист.

А. П. Синнетт

КОНЦЕПЦИЯ ЭФИРА ПРОФЕССОРА МЕНДЕЛЕЕВА

Научный мир время от времени попадает под влияние различных теорий, касающихся эфира. Нам нет необходимости возвращаться далеко в прошлое, чтобы обозреть период, когда одна из таких теорий провозгласила, что его не существует. Это всего лишь оборотная сторона того факта, что в середине прошлого века об эфире говорилось, как о «гипотетической» среде, изобретённой для объяснения некоторых явлений, которые иначе объяснения не находили. С тех пор постепенно, по мере того как проводились более плотные и доскональные исследования световых колебаний, стало ясно, что совершенно невозможно обходиться без эфира, но свойства, ему приписываемые, были в значительной степени обескураживающими и противоречивыми. Одно время любимой иллюстрацией, используемой для объяснения некоторых его свойств, было сравнение с желе, заполняющим всё пространство, подвижным, но несжимаемым. Долгое время эта концепция держалась так твёрдо, что решительно отрицалась его атомно-молекулярная структура, присущая всем остальным материальным телам. В лекции, прочитанной в 1880 году в Лондонском Институте, сэр Оливер Лодж суммировал существующие знания об этом предмете в следующих словах:

> «Насколько мы знаем, он представляет совершенно однородное несжимаемое непрерывное тело, которое невозможно разложить на более простые элементы или атомы; действительно, он непрерывен, а не молекулярен. Нет другого тела, о котором мы можем сказать это, и посему свойства эфира должны быть несколько отличными от свойств обычной материи. Но это небольшая трудность — представить себе непрерывную субстанцию, поскольку наши чувства несомненно вовсе не свидетельствуют о молекулярной и пористой природе обычной материи — некоторая трудность как раз в обратном.
>
> Эфир часто называют флюидом, или жидкостью, или опять же твёрдым, или уподобляют его желе ввиду его пластичности; но все ни одно из этих названий не подходит; всё это — молекулярные структуры и поэтому они не похожи на эфир; давайте думать просто о непрерывной среде, которой не свойственно трение, но подверженной инерции, и смутность этого описания будет не более чем теперешним состоянием нашего знания».

Такое мнение держалось довольно долгое время, и возможно ещё не полностью отвергнуто. Первым серьёзным исследованием, направленным против теории однородного эфира, было проведённое профессором Осборном Рэйнолдсом, сделавшим удивительный вклад в литературу Королевского Общества. Он определённо принимает молекулярную теорию эфира, но далёкую от того, чтобы поставить её рядом

с любым другим знакомым нам потоком молекул. Весьма трудная задача краткого изложения взглядов Рэйнолдса сейчас не является нашей целью. Для нас не имеет значения, насколько впечатляющие свидетельства выдвигает он в защиту своей теории; предмет нашего рассуждения в том, что она сходится с теорией, недавно выдвинутой великим русским химиком, профессором Д. И. Менделеевым, который опубликовал короткую работу под названием «Попытка химического понимания мирового эфира» (СПб, 1902).

Ход его рассуждений будет весьма интересен всем изучающим науку. Его блестящая репутация как открывателя периодического закона и высокая оценка, которую обычно получают его работы, сделает невозможным безразличное отношение к этой его концепции, даже если она значительно пошатнёт установившиеся воззрения. Кратко суммируя его теперешние аргументы, скажем, что он понимает эфир как сверхразреженный газ, определённо молекулярный по своей структуре, где на скорость молекул совершенно не влияет гравитация, как планет, так и звёзд. Никакой двусмысленности в этом нет. Некоторые высказывания из его статьи, приведённые тут, показывают, насколько отчётливо он выражает свои воззрения.

«Мировой эфир можно представить, подобно гелию и аргону, газом, неспособным к химическим соединениям».

«Говоря, что это есть газ, очевидно, мы признаём его „жидкостью“ в широком смысле этого слова, так как газы вообще суть упругие жидкости, лишённые сцепления».

Менделеев пришёл к этим заключениям под влиянием идей, предложенных в результате недавних исследований радиоактивных веществ. Но он описывает свои теперешние заключения, как результат экстраполяции периодического закона. Теперь мы должны принять во внимание различные газы, которые не были известны в то время, когда был впервые предложен периодический закон, но которые профессор Рэмси обнаружил в атмосфере — аргон, криптон, ксенон, и наконец особенно важный гелий, который даёт нам возможность полагать, что со временем будет открыт «короний» — Менделеев отважился экстраполировать периодический закон, так сказать, в обратную сторону, и установить перед водородной группой ещё одну, которую он называет «нулевой» группой. Согласно его уверенному предположению, она возвращает нас в материю, называемую пока «X», которая является в действительности атомическим эфиром. Ещё одним гипотетическим элементом, принадлежащим к нулевой группе, и называемым сейчас «Y», должен быть короний, или какой-либо иной газ с плотностью около 0,2.

Что касается самого «X», то Менделеев без особых возражений обращается к заключениям, к которым, как он говорит, пришёл некоторое время назад Лорд Кельвин в попытке рассчитать теоретический вес эфира. Можно полагать, что бессмысленно наделять весом тело, характеристики которого позволяют ему быть выше закона гравитации, но во всяком случае эти цифры помогут нам осознать ту степень разрежения, которой наделяют эфир. Кельвин предполагает следующее: «В то вермя, как кубический метр водорода весит 90 г. при атмосферном давлении, вес кубического метра эфира будет 10^{-16} г.».

Если выразить это словами, это должно значить, что кубический метр эфира должен весить тысячную часть миллионной от миллионной части грамма. Поскольку газ, к которому относят эту массу, по текущим гипотезам является средой, через которую проявляются силы гравитации, необычная природа расчёта сбивает с толку.

Но наша цель вовсе не в нахождении аргументов в пользу этого. Теперешняя концепция Менделеева представляет для нас огромный интерес с точки зрения одновременно наблюдающих за прогрессом науки и в то же время уделяющих внимание открытиям науки оккультной — интерес этот привлекается тем примечательным фактом, что концепция эфира, выдвинутая теперь великим русским химиком, была детально предвосхищена около девяти лет назад соответствующими объяснениями относительно строения материи, опубликованными тогда в теософической литературе, как результаты специальных исследований, проведённых определёнными изучающими оккультизм, обладавшими необходимыми способностями ясновидения. Результаты этого исследования описаны в журнале, называемом теперь «Theosophic Review» (Теософическое Обозрение), издававшимся тогда под своим ранним названием «Lucifer», за 15 ноября 1895 г. Несовершенно проведённые, и прерванные условиями, воспрепятствовавшими дальнейшему их продвижению, эти исследования не просто привели к оценке эфира по линиям, очень близко совпадающим с теми, по которым работает сейчас Менделеев, но в действительности продолжили концепцию значительно далее тех пределов, которых позволила достичь его смелая экстраполяция.

Целью первого опыта, связанного с упоминаемыми исследованиями, было не столько исследование строения эфира, сколько определение действительной природы физических атомов. Здесь желательно сказать немного о природе ясновидения, когда оно развито под умным руководством до высших степеней раскрытия своего потенциала. Оно не только даёт средство к наблюдению удалённых мест или проникновению через непрозрачные препятствия, оно имеет свойства и микроскопа, и телескопа, развитые почти до бесконечности в обоих направлениях. Лучший микроскоп, которым нас снабжают оптики, прекрасный по сравнению со своими «дикими предками», является очень ограниченным инструментом в сравнении с микроскопическим зрением ясновидящего, который может свободно применять то, что оккультисты называют «астральным зрением». Этот вид микроскопа не имеет ограничений, и может быть настроен, так сказать, для работы с любой частью нескончаемого пути, ведущего к бесконечно малому. Схватывает ли читатель понятие размера молекулы, как оно понимается обычной наукой? Любимая иллюстрация этого — что молекулы относятся к капле воды так же, как мячи для крикета или небольшие пушечные ядра соотносятся диаметрами с Землёй. И одна из этих молекул уже может быть наблюдаема теми, кто одарён соответствующим астральным зрением, и строение её может быть исследовано детально.

Если такой вот атом любого металла будет выбран для наблюдения, обнаружится, что его сложность настолько обескураживающа, что практически не поддаётся точному описанию. Но сложность атомов конкретных химических элеметов изменяется пропорционально их атомному весу. В то время, как атом золота, например, видится содержащим несколько тысяч подчинённых атомов, организоавнных в определённую

структуру и двигающихся среди друг друга в симметричном ритме миниатюрной солнечной системы, атом легчайшего известного элемента, водорода, несколько легче описуем. Он состоит всего из восемнадцати этих первичных атомов, различаемых по предназначению и свойствам их индивидуальной природы, кроме того некоторые из них имеют атрибуты, которые можно смутно описать как положительные, а другие — соответствующие отрицательному виду. С этими деталями в данный момент нам знакомиться нет необходимости. В частности, результат оккультного исследования, с которым мы имеем дело, состоит в том, что все известные нам химические элементы, как бы ни различались их свойства, состоят из атомов, структура которых совершенно различна, но состав их идентичен повсюду; эти первичные атомы того же порядка заняты строением всех этих разнообразных тел. Дома строятся широко различающимися по архитектуре и размеру, но используемые кирпичи во всех случаях те же. Когда этот фундаментальный принцип был осознан, стало также очевидно, что эти атомы, первичные атомы непостижимой малости, были рассеяны повсюду в пространстве, даже проникая молекулярную структуру физических тел, воспринимаемых нашими чувствами, и с точки зрения этого факта, эти первичные атомы были атомами всеобщего эфира.

Пока эта идея просто совпадает с нынешней концепцией Менделеева, хотя если она получит всеобщее признание, то в будущем несомненно она будет ассоциироваться с его именем, а не с теми неизвестными авторами оккультного исследования. Это будет предметом бесконечно меньшего интереса для людей, имеющих касательство к этому делу, поскольку оккультное знание, имеющее дело и с многими другими проблемами кроме состава эфира, принижает значение мирской славы в сравнении с постоянными условиями ego, что может быть достаточно хорошо выражено вышеприведённой цитатой Лорда Кельвина. Гораздо важнее, однако, что мир в целом должен осознать, что все действительно великие продвижения, ожидаемые в будущем в связи с прогрессом в этих исследованиях, имеющих дело с атрибутами материи, должны быть рассмотрены в связи с методами исследования, которые в настоящем попадают под осуждение общества как оккультные.

Информация, добытая при помощи оккультного исследования, которое мы описали, не ограничивает нас концепцией эфира, как сотоящего из исключительно малых атомов, рассеянных в пространстве. Дальнейшее объяснение его природы может быть открыто традиционными методами рано или поздно, тем временем мы можем решиться на предсказание направления, которе могут принять дальнейшие исследования. Как видно из книги профессора Менделеева, а также из работ, опубликованных профессором Рэйнолдсом, при прямолинейном размышлении можно допустить, что эфир имеет повсюду однородный характер, каков бы он ни был. Будь он гомогенным желе или сверхразреженным газом, о нём всегда думают как об определённой форме материи. Оккультные же исследования 1895 года, результат которых частично был навёрстан и физической наукой, различили несколько разновидностей эфира, существующих в условиях, которые недоступны для обычного химического наблюдения. Четыре определённо различных типов эфира играют свои соответствующие роли в великих природных сферах деятельности, в которых эта среда задействована, и только когда первичные атомы полностью диспергированы и рассеяны по пространству, мы приходим к тому, что можно назвать элементарным состоянием эфира. Между этим состоянием и тем, в котором определённое количество атомов собраны вместе, чтобы составить вещество со свойствами, явными для физических чувств, существуют три разновидности того, что можно было бы назвать «молекулярным эфиром».

С точки зрения этого знания, которое мы пытаемся изложить, невозможно продоложить использование терминов «атом» и «молекула» точно в их обычном значении. Для читателей, незнакомых с терминами физики, следует объяснить, что когда химик говорит о «молекуле» любого известного вещества, он подразумевает атомы такого вещества, объединённые в некоторый союз. Этот метод мышления был принят с целью облегчения выражения строения составных веществ в химической формуле. Не строя гипотез, химики могут быть приведены в затруднение, подразумевая, что в некоторых случаях молекула сложного вещества содержит полуатомы некоторых его составляющих. Оккультное исследование, однако, показывает, что этот способ мышления не находится в гармонии с природной истиной, хотя он и подходит к некоторым фактам. Когда становится видно, что атом каждого химического элемента состоит из множества эфирных атомов, и что соединение между двумя простыми веществами вызывает сложное взаимодействие соответственно между их первичными атомами, слово «молекула» теряет свой искусственный и неточный смысл. Для наших теперешних целей, а также предвосхищая то, что возможно, будет практикой химиков в будущем, было бы уместным зарезервировать слово «атом» для применения к тем фундаментальным частицам, которые составляют простейшую разновидность эфира, и применить термин «молекула» для обозначения единичной организованной структуры, называемой на этом плане химическим элементом. Действительно, в последнее время условности общепринятой терминологии стали ставить нас в затруднительное положение, и говоря о молекуле водорода или любого другого вещества, мы можем ввести обычного мыслителя в заблуждение, ибо он будет полагать, что имеется в виду обычная молекула из двух атомов. Поэтому пока будет удобнее говорить об атоме в смысле неделимой частицы всякого конкретного вещества, хотя она и может содержать сотни тех атомов, к которым правильнее было бы применить это название.

И прежде чем продолжить, будет уместным заметить, как мало известно относительно молекулярных разновидностей эфира и какова возникающая при этих исследованиях вероятность выяснения истинного количества атомов в молекулах известных элементов настолько, насколько позволяют наблюдения. Для справки сообщим, что во всех случаях для кислорода и азота количество атомов в молекуле этих веществ оказалось равным атомному весу, умноженному на число 18, представляющее количество атомов в молекуле водорода. Если эта закономерность получит хорошее продолжение, это позволит нам с точностью определить количество атомов, составляющих молекулу любого известного вещества,* и когда мы начинаем иметь дело с веществами, атомный вес которых превышает 200, будет видно, что каждая молекула включает несколько тысяч первичных атомов, и нетрудно будет понять, что в таких случаях будут достигнуты крайние пределы

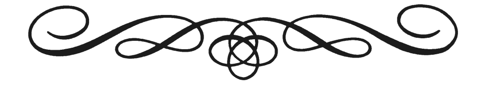
* Последующие исследования Ч. Ледбитера и А. Безант показали, что это не всегда так. — *Прим. пер.*

стабильности и феномен радиоактивности будет легко объяснён соображениями, вытекающими из этих условий.

Но вернёмся к разновидностям молекулярного эфира. Их по всей видимости можно различать друг от друга согласно критерию, связанному с количеством атомов, составляющих их молекулы. 18 атомов в молекуле водорода представляют две отчётливые группы по 9 атомов в каждой, переплетённые любопытным образом, что трудно описать в словах или даже изобразить на диаграмме. Понадобится трёхмерная модель, чтобы сделать понятным их расположение. Но высшая или наиболее сложная форма эфирной молекулы может быть представлена каждой из таких групп, взятой в отдельности, высвобожденной от своего партнёра. Не следует предполагать, что весь эфир этого типа, который может быть для удобства назван «эфиром 4» весь состоит точно из таких молекул, как представляют отдельные группы водорода. Другие комбинации из 9 или 7 также будут принадлежать к «эфиру 4». Ещё невозможно быть очень точным в определении границ каждой разновидности, но эфиры 3 и 2 состоят из молекул, заключающих меньшие количества атомов, чем молекулы эфира 4, и одна интересная мысль, связанная с этой частью нашего объяснения, возвращает нас к недавним размышлениям Менделеева. Эфиры 2, 3 и 4 подходят к тому, чтобы заполнить вакантные места в нулевом периоде, который он теперь добавляет к своей периодической таблице, уточнения которой кульминируют в веществе «X», тождественном атомическому эфиру.

Расстояние и манера, в которой различные разновидности эфира могут быть рассеяны в пространстве, ещё остаются предметом размышлений даже для тех, кто сами наиболее полно доставили в наше распоряжение эту оккультную информацию. Возможно, и по многим причинам это представляется вероятным, что наиболее сложные подразделения эфира подвержены гравитационному влиянию, и поэтому собираются вокруг небесных тел. Атомический эфир по некоторой причине полностью свободен от влияния гравитации; мы не можем сделать такого заключения, но принимаем его, и сам Менделеев тоже его принимает. Но если молекулярный эфир окружает каждую планету подобно высоко разреженной атмосфере, возможно, это весьма поможет в будущем объяснить многие оптические явления, связанные со светом и цветом. Если бы мы, в продолжение этой идеи, взлетели бы в возвышенные области рассуждений «на крыльях экстраполяции», как изволил выразиться один научный лектор, мы бы расширили последнее предположение в огромной пропорции, но это вовсе не соответствует цели, для которой данное эссе было написано. Научный мир заинтересован, если не напуган, новым видением одной из до сих пор нерешённых проблем, и этот новый взгляд, насколько далеко он идёт, находится в прямой гармонии с неумно отрицаемыми учениями оккультной науки. Показать это со всей очевидностью являлось теперешней целью автора, так что на данный момент этот предмет может быть отложен.

«Broad Views», июнь 1904.

Е.П. Блаватская

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОСУЖДЕНИЕ ДОЛГОМ?

Не осуждайте никого в его отсутствие, а если вынуждены порицать его, сделайте ему личный выговор, но мягко и в словах, полных милосердия и сострадания. Ибо человеческое сердце подобно растению кусали: оно открывает свой цветок к сладкой утренней росе и закрывает перед сильным дождём.

— *Буддийская заповедь*.

«Не судите, да не судимы будете».

— *Христианский афоризм*.

Не столь уж немногие из наших самых искренних теософов ощущают себя перед дилеммой, как нам с сожалением приходится слышать. Небольшие причины временами производят большие последствия. Есть такие, которые будут улыбаться, испытывая самую болезненную операцию, и оставаться спокойными, когда им ампутируют ногу, и всё же разразятся бурей и откажутся от своего законного места в царствии небесном, если для его сохранения им придётся молчать, когда кто-то наступает на их любимые мозоли.

В 13 номере «Люцифера» была опубликована статья «Смысл обета». Из семи статей, составляющих обет (из коих опубликованы только шесть), первая, четвёртая, пятая и особенно шестая требуют огромной нравственной силы характера. Чтобы соблюдать такое соглашение, нужна железная воля вкупе с большим бескорыстием, полная готовность к самоотречению и даже к самопожертвованию. Тем не менее, множество теософов с охотой подписали это серьёзное обещание самозабвенно трудиться на благо человечества, не высказав ни слова протеста — кроме как по одному пункту. И странно сказать, это правило третье, которое почти во всех случаях заставляло колебаться показывать малодушие. Ante tubam trepidat (заслышав эти трубы, они трепещут) — самые лучшие и добрейшие из них ощущают тревогу, чувствуя при звуках трубы третьего пункта, что их постигнет судьба стен иерихонских!

В чём же состоит эта *ужасная клятва*, соблюдение которой представляется выше сил обычного смертного? Просто в этом:

Я даю обет никогда не слушать без протеста любое злословие о своём брате теософе, а также обещаю воздерживаться от осуждения других.

Соблюдать это золотое правило представляется очень лёгким. Слушать, не протестуя, плохие вещи, сказанные о *ком бы то ни было*, считалось презренным делом с самых отдалённых времён язычества.

«Слушать открытую клевету — проклятие, но ещё хуже не найти ответа на неё», — говорит Овидий. Пожалуй, это по той причине, что, как остро замечает Ювенал, «Клевета, худший из ядов, всегда легко находит вход *в неблагородные умы*», а также что *в древности* иметь доступ в такие умы нравилось не столь уж многим. То ли дело теперь!..

Фактически, долг защищать своего собрата, ужаленного в его отсутствие ядовитым языком, и в общем воздерживаться от порицания других, — это сама жизнь и душа практической теософии, ибо такой образ действия — это проводник на узкий Путь «высшей жизни», той жизни, которая ведёт к той цели, которой мы все желаем достичь. Милосердие, доброта и надежда — вот три богини, властвующие над этой жизнью. Воздержание от осуждения наших собратьев есть молчаливое утверждение присутствия в нас этих трёх божественных сестер; осуждение же по «слухам» показывает их отсутствие. «Не слушай распространителя слухов или клеветника», — говорит Сократ. — «Ведь как он раскрывает секреты других, так он в свою очередь раскроет и твои». Этих носителей клеветы не так трудно и избежать. Там, где нет спроса, скоро прекратится и предложение. Пословица гласит: «Когда люди не слушают злое, тогда и злоречивые воздержатся от злых слов». Осуждать — значит прославлять себя за счёт человека, которого осуждаешь. Фарисеи всех народов делали это с тех пор, как развились нетерпимые религии. Будем ли мы уподобляться им?

Нам, пожалуй, могут сказать, что мы сами первые, кто нарушает этический закон, которого мы придерживаемся. Что в наших теософических журналах полно «обвинений», и что «Люцифер» опускает свой факел, чтобы бросать свет на всякое зло изо всех своих сил. Мы отвечаем: это совсем другое дело. Мы с негодованием осуждаем системы и организации, а также множество разных зол — социальных и религиозных, — и в первую очередь лицемерное морализаторство, но мы воздерживаемся от осуждения отдельных людей. Последние — дети своего века, жертвы своего окружения и духа эпохи. Осуждать и бесчестить человека вместо того, чтобы пожалеть его и попытаться ему помочь, только потому что, родившись в колонии прокажённых, он и сам прокажённый, — это всё равно что проклинать комнату за то, что в ней темно, вместо того чтобы спокойно зажечь свечу и рассеять мрак. «Злые дела удваиваются злыми словами», да и нельзя избежать зла или устранить его, если сам делаешь зло и выбираешь козлов отпущения для искупления грехов всего сообщества. Потому мы критикуем сообщества, а не составляющие их единицы; мы указываем на гниль нашей хвалёной цивилизации, указываем на пагубную систему образования, ведущую к этому, и демонстрируем роковые последствия всего этого для масс. Не более пристрастны мы и к самим себе. Готовые каждый день положить свою жизнь за **теософию** — то великое дело Всеобщего Братства, ради которого мы живём и дышим, — и защитить своим телом, если нужно, всякого истинного теософа, мы тем не менее открыто и резко отвергаем искажение первоначальных принципов, на которых было построено Теософическое Общество, и постепенное ослабление и подрыв первоначальной его системы софистикой многих его высших должностных лиц. Мы несём свою карму за недостаток скромности в ранние дни Теософического Общества, ибо наш любимый афоризм «посмотрите, как эти христиане любят друг друга», теперь ежедневно и ежечасно возвращается нам: «посмотрите, как эти теософы любят друг друга». И мы содрогаемся от мысли, что хотя от многих из наших привычек и обычаев удалось избавиться, «Люциферу» однажды придётся разоблачать многие пятна на нашей собственной репутации, а именно: немилосердие, поклонение себе и утверждение личного тщеславия за счёт благополучия других теософов, и делать это даже более яростно, чем он когда-либо критиковал фальшь и злоупотребления властью государственных церквей и современного общества.

Тем не менее, есть теософы, которые забывают о бревне в своём глазу, на полном серьёзе думая, что их долг — разоблачать каждую соринку, которую они заметят в глазу ближнего своего. Так, один из наших наиболее ценимых, трудящихся и благородно мыслящих членов пишет касательно упомянутого третьего правила:

> «Обет обязывает принимающего его никогда не говорить ни о ком плохо. Но я считаю, что есть случаи, когда резкое осуждение есть долг истины. Есть случаи предательства, лжи и мошенничества в частной жизни, которые должны быть заклеймлены теми, кто точно знает о них; и есть случаи в общественной жизни, такие как продажность и унижения, которые добропорядочные граждане должны усердно бичевать. Теософическая культура не будет благословением для мира, если будет навязывать немужественное пораженчество и слабость нравственных устоев...»

Мы искренне сожалеем, обнаружив, что один из наших самых достойных братьев придерживается таких ошибочных взглядов. Прежде всего заметим, что бедна та теософическая культура, которая не в состоянии преобразовать просто «хорошего гражданина» своей родины в «хорошего гражданина» мира. Истинный теософ должен быть в своём сердце космополитом. Своими человеколюбивыми чувствами он должен охватывать всё человечество. Гораздо выше и благороднее быть одним из тех, кто любит своих братьев по человечеству, без различия рас, религий, каст и цвета кожи, чем быть просто хорошим патриотом, или ещё менее того, приверженцем какой-то группы в обществе. Мерить одной меркой всех — это более свято и божественно, чем помогать лишь своей стране возвеличиться в конкуренции и кровавых войнах во имя **жадности** и **эгоизма**. «Резкое осуждение есть долг истины» — это так, при условии, однако, что нужно бороться с *корнем* зла, а не расточать свою ярость, сшибая безответственные цветы, выросшие из него. Мудрый садовод вырывает с корнем паразитические растения, и вряд ли станет терять время на то, чтобы срезать садовыми ножницами верхушки вредных сорняков. Если теософу случится занимать публичную должность — судьи, юриста, депутата или даже священника, тогда конечно его долг перед своей страной, совестью и теми, кто облек его своим доверием, «сурово осуждать» каждый случай «предательства, лжи и мошенничества» *даже* в личной жизни, но — заметьте, — если только к нему обратятся и попросят употребить свою законную власть, но не иначе. Это не злословие и не осуждение, а настоящая работа для человечества — стремление сохранить общество, частью которого этот человек является, от злоупотребления и защитить собственность граждан, доверенную их попечению как официальных лиц, от произвольного отъёма. Но даже тогда теософ может утвердить себя в городском совете и показать своё милосердие, повторив за шекспировским строгим судьёй: «Я проявляю его больше всего, когда проявляю справедливость».

Но какое дело должно быть «работающему» члену Теософического Общества, не занимающему никаких публичных должностей и не являющемуся ни судьёй, ни прокурором, ни священником, до проступков своих ближних? Если окажется, что один член Т.О. виновен в одном из вышеупомянутых преступлений или даже

худшем, и если у другого члена будут неопровержимые свидетельства этого, его тяжёлым долгом может оказаться вынести их на рассмотрение совета своего отделения. Наше Общество нужно защищать, как и его многочисленных членов. Но это, опять же, должно быть простым правосудием. Естественное и правдивое изложение фактов нельзя считать злословием или осуждением своего брата.

Однако между этим и намеренным злословием за спиной — широкая пропасть. Правило 3 касается лишь тех, кто не неся никакой ответственности за действия своих ближних или их жизненный путь, тем не менее судят и порицают их при всякой возможности. И в таких вот случаях это становится злословием и клеветой.

Вот как мы понимаем это правило — мы не считаем, что навязываем им «отсутствие мужества или моральную слабость». Напротив — истинная храбрость, как мы уверены, не имеет ничего общего с осуждением; и мало мужества в том, чтобы критиковать и осуждать своих собратьев за их спинами, будь то за несправедливость или вред, причинённый другим или вам самим. Будем ли мы считать несравненные добродетели Гаутамы Будды или Иисуса «отсутствием мужества»? Тогда этика, проповеданная первым, тот моральный кодекс, который профессор Макс Мюллер, Бюрнуф и даже Бартелеми Сент-Илер единодушно объявили *самым совершенным из тех, которые когда-либо знал мир* — не более, чем пустой звук, а Нагорную Проповедь лучше было бы не сочинять вообще. Считает ли наш корреспондент учение непротивления злу, доброты ко всем существам и самопожертвования на благо других немужественным или проявлением слабости? Должны заповеди «не судите и не судимы будете» и «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом и погибнут» рассматриваться как «моральная слабость» или как *голос кармы*?

Но наш корреспондент не одинок в своём образе мышления. Многочисленны мужчины и женщины — добрые, милосердные, жертвующие собой и достойные доверия во всех прочих отношениях, без колебания принимающие все другие пункты «Обета», которым тут становится не по себе, и которые почти трепещут перед этим особым пунктом. Но почему? Ответ простой: просто *потому что они боятся бессознательного* (для них) и *почти неизбежного* **клятвопреступления**.

Мораль сей басни и заключения из неё наводят на следующие мысли. Это прямая пощёчина христианскому образованию и нашему цивилизованному современному обществу во всех его кругах и во всякой *христианской* стране. Так глубоко этот моральный рак — привычка немилосердно злословить о нашем ближнем и брате при всякой возможности — въелся в самое сердце всех классов общества, от низших до самых высших, что заставил лучших его представителей опасаться своих языков! Они *не отваживаются доверять себе* в том, что смогут воздержаться от осуждения других — просто в силу привычки. Это весьма зловещий «знак времён».

Фактически большинство из нас, какой бы национальности мы ни были, родились и воспитывались в густой атмосфере слухов, немилосердного критицизма и массового осуждения. Наше обучение в этом направлении начинается с малолетства, когда главная няня ненавидит гувернантку, гувернантка — учительницу, а слуги, не обращая внимание на присутствие детей, непрерывно сплетничают о хозяевах, находят недостатки друг у друга и отпускают бесстыдные замечания о каждом посетителе. То же самое преследует нас в классе, будь то в школе или при домашнем обучении. Но вершины этического развития это достигает в годы нашего образования и практического религиозного наставления. Нас насквозь пропитывают убеждением, что мы «рождены в грехе и полной развращённости», а наша религия — единственная, которая может спасти нас от вечного проклятия, тогда как остальному человечеству суждено вечно поджариваться на адском огне. Нас учат, что клевета на религии и богов всех других народов есть знак почтения к нашим собственным идолам и вообще похвальное действие. Сам «Господь Бог», *личный* абсолют, вбивается в молодые податливые умы как вечно злословящий и осуждающий тех, кого он создал, проклинающий упрямых иудеев и *соблазняющий* язычников.

На протяжении многих лет умы молодых протестантов периодически обогащают отборными проклятиями из служб *«В осуждение»* в их молитвенниках или «гневом господним и осуждением грешников», в добавление к вечному проклятию, на которое уже осуждены большинство живых существ, а молодой католик с самого рождения слышит угрозы проклятия и отлучения от церкви. Именно из Библии и молитвенников Англиканской церкви мальчики и девочки всех классов узнают о существовании пороков, за одно упоминание которых книги Золя попали под запрет как безнравственные и развращающие, но после перечисления и во *проклятие* которых в церквях стар и млад вынужден повторять «аминь» за слугою кроткого и скромного Иисуса. Последний говорит: *не проклинайте, не осуждайте*, а «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Но канон церкви и священников говорит: вовсе нет. Есть пороки и преступления, «за которые должно утвердить проклятие божье вашими собственными устами» (см. «Commination Service» — службу «В осуждение»). Что удивительного, что позже в своей жизни христиане благочестиво стараются подражать «Богу» и священнику, ведь в их ушах ещё звенят такие проклятия как «да будет проклят тот, кто перемещает межу соседа», или делает то или иное, и даже тот, «кто полагается на человека» (!) и прочие осуждения «Бога». Они судят и осуждают направо и налево, предаваясь массовой клевете и проклятиям уже от себя лично. Неужто они забывают, что в последнее проклятие — анафему прелюбодеям и пьяницам, идолопоклонникам и вымогателем, — включены также **клеветники** и **немилосердные**? И что присоединившись в торжественном «аминь» к этому последнему *христианскому* громометанию, они *своими собственными устами* подтверждают, что проклятие божье должно пасть на их собственные грешные головы?

Но, похоже, это очень мало заботит наших общественных клеветников. Ведь как только воспитанные в религиозном духе дети воцерковлённых христиан покидают школьные скамьи, они попадают в руки своих предшественников. Тренируемому к своему последнему экзамену в этой школе скандала, именуемой светом, более старшими и опытными языками, чтобы стать магистром в науке злословия и осуждения, респектабельному представителю общества нужно только примкнуть к религиозной конгрегации: стать церковным старостой или покровительницей.

Кто отважится отрицать, что современное общество в целом стало огромной ареной для моральных

убийств, совершаемых между двумя чашками вечернего чая и среди шуток и насмешек? Сейчас оно более чем когда-либо представляет собой нечто вроде международной бойки, где под развевающимися знамёнами салонного и церковного христианства и культурной мирской болтовни и сплетен, каждый в свою очередь, как только повернётся спиной, становится жертвой, греховным искупительным приношением, чьё поджаренное мясо подобно аромату для длинного носа миссис Гранди*.

Давайте помолимся, братья, и поблагодарим Бога Авраама и Иисака, что мы уже не живём в дни жестокого Нерона, и нам уже не угрожает опасность быть брошенными на арену Колизея, чтобы умереть там сравнительно быстрой смертью от когтей голодных диких зверей. Хвала христианству — наши обычаи удивительно смягчились под благотворною сенью Креста. И всё же нам достаточно только войти в современную гостиную, чтобы обнаружить там близкое к жизни символическое представление тех же зверей, пирующих и злорадствующих над покалеченными остовами своих лучших друзей. Посмотрите на этих грациозных и свирепых больших кошек, которые со сладкими улыбками и невинными глазками точат свои розовые коготки, готовясь поиграть в кошки-мышки. И горе бедной мышке, пойманными этими гордыми светскими львицами! Мышку заставят годами истекать кровью, прежде чем позволят ей умереть. Жертвам придётся пройти через неслыханные нравственные мучения, узнавая из газет и *от друзей*, что в тот или иной период жизни они были виновны в каждом из пороков и преступлений, перечисленных в молитвеннике, пока, чтобы избежать дальнейших преследований, упомянутые мышки сами не превратятся в свирепых кошек общества и заставят трепетать других мышей в свою очередь. Которая из арен предпочтительнее, о братья мои — древняя языческая или современная из христианских стран?

Аддисон не нашёл слов презрения, достаточно сильных для того, чтобы дать должную отповедь сплетням светских каинов обоих полов. Он восклицает:

«Как часто честность и порядочность человека упраздняют всего лишь одной улыбкой или пожатием плечей? Сколько добрых и щедрых дел удалось потопить в водах забвения недоверчивым взглядом, приписыванием плохих мотивов или таинственным шепотком в нужный момент? Посмотрите, ... сколько целомудрия изгоняется из мира и жестоко превращается в подозрения завистью тех, кто сам поддался всем искушениям. Как часто репутацию беспомощного существа подмачивают сообщением, которое разносящая его передаёт с таким тоном, будто она искренне его жалеет и надеется, что это неправда!»

От Аддисона перейдём к тому, как разбирает тот же предмет Стерн. Похоже, он продолжает эту картину, заявляя:

«Клевета столь плодотворна, обладая таким разнообразием способов как удовлетворить, так и скрывать себя под маской, что если даже более гладкие орудия ранят так больно, то что же говорить об открытом и бесстыдном злословии, которому подвергают без всякого предупреждения и не связывая себя никакими ограничениями? Если одно, подобно стреле, выпущенной в темноте, тем не менее производит столько тайных бедствий, то второе, подобно чуме, косит всех налево и направо при свете дня, не делая различия между хорошими и плохими — тысячи падут с одной стороны и десятки тысяч с другой. В этой немилосердной бойне они падут, поражённые в самой нежной своей части, и некоторые уже никогда не оправятся от ран или сердечной боли».

Таковы последствия клеветы, и с точки зрения кармы многие такие случаи весят даже *больше, чем кровавое убийство*. Потому те из *работающих* членов Теософического Общества, кто хотел бы жить «высшей жизнью», должны связать себя этим торжественным обещанием или же оставаться членами-*бездельниками*. Не к последним обращены эти страницы, да они и не заинтересуются этим вопросом. Этот совет не адресован к членам Теософического Общества в целом, ибо обсуждаемый нами «Обет» принимается только теми членами, которые упоминаются в наших ложах как «работающие». Всем другим, то есть тем, кто предпочитает служить украшением и принадлежит к группам «взаимного восхищения», или тем, кто вступив из простого любопытства, тихо отпали, не разрывая своей связи с Обществом, или опять же тем, кто сохранив поверхностный (или вообще какой-то) интерес, проявляют тепловатую симпатию (а таких в Англии большинство) — не нужно отягощать себя таким обетом. Будучи на протяжении лет «греческим хором» в активно разыгрывающейся драме, известной сейчас как Теософическое Общество, они предпочитают оставаться такими, как есть. Этому «хору», учитывая его численность, оставалось, как и в прошлом, всего лишь смотреть на происходящее с героями драмы, и требовалось лишь иногда выражать свои чувства, повторяя заключительные перлы из монологов актёров или же сохранять молчание — на его усмотрение. «Философы на день», как называет их Карлайл, они не имеют и не имели желания стать кандидатами. Потому даже если эти строки попадутся им на глаза, их уважительно просят помнить, что сказанное не относится ни к одному из вышеперечисленных классов членов. Большинство из них вступили в Общество так, как покупают копеечную книжку. Привлечённые новизной обложки, они открыли её и, пробежавшись по содержанию, заголовку, девизу и посвящению, поставили на заднюю полку и больше о ней не думали. Они имеют право на неё в силу того, что приобрели её, но обращаются к ней не чаще, чем к старинной мебели, отправленной в чулан, потому что сиденье её недостаточно удобно или не соответствует их нравственной и интеллектуальной величине. Сотня таких членов даже не увидят журнала «Люцифер», ибо по статистике *более* $^2/_3$ его подписчиков — не теософы. Нисколько не счастливее и его старшие братья — мадрасский «Theosophist», французский «Le Lotus» и даже удивительно дешёвое и международное T.P.S.** (Аделфи, Дюк-стрит, 7). Как и все пророки, они не лишены чести, кроме как в своих отечествах, и их голоса в полях теософии — поистине «голоса вопиющих в пустыне». И это не преувеличение. Среди подписчиков этих разных теософических журналов, члены Т.О., *органами которого они являются* и для блага которого они были созданы (а их редакторы, менеджеры и вся команда постоянных авторов работают *бесплатно* и ещё приплачи-

* Персонаж из пьесы Томаса Мортона, олицетворение мнения ханжеского и нетерпимого общества. — *Прим. пер.*

** «Theosophical Publishing Society» (Теософическое издательское общество). Приведён его лондонский адрес. — *Прим. пер.*

вают из своих обычно тощих карманов издателям, печатникам и непостоянным авторам), составляют в среднем 15%. Это тоже знак времён и показывает разницу между «работающими» теософами и «отдыхающими».

Мы не можем закончить, не обратившись ещё раз к первым. Кто из них возьмётся утверждать, что правило 3 не является фундаментальным принципом этического кодекса, которым должен руководствоваться каждый теософ, стремящийся к тому, чтобы *стать в реальности единым*? Для такой большой организации, состоящей из женщин и мужчин самых разнородных национальностей, характеров, вероисповеданий и образов мышления, и по этой самой причине дающей такие лёгкие поводы для споров и борьбы, разве не должно стать это правило неотъемлемой частью обязательств каждого члена (будь то работающего или декоративного), присоединяющегося к теософическому движению? Мы думаем так и оставляем это на дальнейшее рассмотрение представителей Генерального Совета, которые встречаются в следующую годовщину в Адьяре.

В обществе, претендующем на возвышенную систему этики — сущность всех прежних этических кодексов, — которое открыто выражает стремление своим практическим примером и образом жизни превзойти и устыдить последователей любой религии, такой обет составляет *непременное условие* успеха. В собрании, где «возле вредной крапивы цветёт роза» и где острые шипы более многочисленны, чем ароматные цветы, обет такого рода есть *единственное спасение*. Никакая этика как наука обоюдного долга человека перед человеком — будь то общественная, религиозная или философская — не может быть названа полной или последовательной, если это правило не будет обязательным. Но не только это — если мы только не хотим, чтобы наше Общество стало де-факто и де-юре гигантской подделкой, выступающей под флагам «всеобщего братства», мы должны при каждом случае нарушения этого *закона законов* исключать клеветника. Никакой честный человек, а там более теософ, не может игнорировать эти строки Горация:

Если заочно злословит кто друга; или злоречье
Слыша другого о нем, не промолвит ни слова в защиту;
Если для славы забавника выдумать рад небылицу
Или для смеха готов он расславить приятеля тайну:
Римлянин! вот кто опасен, кто чёрен! Его берегися!

«Lucifer», Vol. III, No. 16, дек. 1888

Бертрам Кийтли

КАК БЫЛА НАПИСАНА «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»

Впервые я увидел рукопись «Тайной доктрины», когда посетил Блаватскую в Остэнде в самом начале 1887 года. Я пришёл, чтобы убедить её поселиться в Лондоне для создания там центра активной работы для дела теософии. Всего нас было шестеро тех, кто чувствовал глубокое разочарование от того, что Теософическое Общество в Англии, похоже, заглохло, и мы пришли к заключению, что только она могла бы оказать эффективную помощь в оживлении движения и инициировать активную и мудро направляемую работу. Из этих шестерых — и Е.П.Б. — первоначальных основателей первой Ложи Блаватской — только двое, увы, остаются сейчас активными работниками Общества.

В первые несколько дней, проведённых мною тогда в Остэнде с Блаватской, она попросила меня просмотреть части рукописей её нового труда, на что я охотно согласился. Когда я прочитал совсем ещё немного, для меня уже стало ясно, что «Тайной доктрине» суждено стать самым важным вкладом этого столетия в литературу об оккультизме; хотя уже тогда неоконченный и фрагментарный характер большей части работы привёл меня к мысли, что понадобится тщательный пересмотр и редактирование, прежде чем рукопись будет годна для публикации.

Во время второго визита через неделю или две дальнейшее исследование только укрепило это моё впечатление, но поскольку Блаватская тогда согласилась приехать и поселиться в Лондоне или неподалёку, как только для её приёма будут сделаны приготовления, в то время больше ничего в этом направлении не предпринималось.

Не прошло ещё много времени с моего возвращения в Англию, как мы узнали, что Блаватская серьёзно больна; фактически врачи, наблюдавшие её, считали её безнадёжной. Но как обычно, она разочаровала медицинских пророков и выздоровела с такой чудесной быстротой, что вскоре мы смогли сделать приготовления для её приезда в Англию, в Верхний Норвуд, где её временной резиденцией был выбран коттедж под названием Мэйкот.

Переезд прошёл без особых происшествий, хотя упаковка её книг, бумаг, рукописей и прочего была поистине ужасным предприятием, поскольку она продолжала писать до самого последнего момента, и как только какая-нибудь книга, бумага или часть рукописи была тщательно упакована и лежала на дне какой-нибудь коробки, так она срочно оказывалась ей нужна, и она требовала извлечь её любой ценой. Тем не менее, наконец мы упаковались, достигли Мэйкота, и не прошло и двух часов после того, как мы оказались в доме, Блаватская уже вытащила свои письменные материалы и снова засела за работу. Её работоспособность была удивительной; с раннего утра и до позднего вечера она сидела за своим столом; и даже когда она была

так больна, что большинство людей в этом состоянии лежали бы беспомощно в постели, она решительно бралась за дело, которое она предприняла.

Через день или два после нашего прибытия в Мэйкот Блаватская вручила доктору [Арчибальду] Кийтли и мне оконченную на тот момент часть рукописи, поручив нам прочитать, исправить пунктуацию, язык, изменять и в общем обращаться с этим трудом, как если бы он был наш собственный — чего мы, естественно, *не* сделали, будучи слишком высокого мнения об её знаниях, чтобы так вольно обращаться с таким важным трудом.

Но мы оба внимательно прочитали всю рукопись — кипу около метра высотой, — исправили английский и пунктуацию там, где это было совершенно необходимо, и затем, после длительных консультаций, предстали перед автором в её берлоге — что касается меня, то, как я помню, в сильном трепете, — серьёзно заявив, что по нашему мнению весь материал нужно переставить, расположив по какому-то определённому плану, потому что если его оставить так, как он был, получилась бы ещё одна «Разоблачённая Изида», только гораздо хуже — в том, что касается отсутствия плана и последовательности.

Поговорив с нами, Блаватская велела нам отправляться ко всем чертям и поступать, как нам хочется. Этого «благословения» ей было уже более чем достаточно, и она передала его нам, полностью умыв руки, а нам уж предоставлялось извлечь из этого столько, сколько мы могли.

Мы удалились и посовещались. Наконец, мы изложили перед ней свой план, который нам был подсказан характером самого предмета, а именно — сделать труд четырёхтомным, при этом каждый том должен был подразделяться на три части: 1) Станцы и комментарии к ним; 2) Символизм; 3) Наука. Далее, вместо того чтобы сделать первый том, как она намеревалась, историей некоторых великих оккультистов, мы посоветовали ей последовать естественному порядку изложения, и начать с эволюции космоса, от неё перейти к эволюции человека, а затем, в третьем томе, заняться исторической частью, разобрав жизнь великих оккультистов, и наконец, рассказать о практическом оккультизме в четвёртом томе — если она вообще будет в состоянии его написать.

Этот план мы изложили перед Блаватской, и она его должным образом утвердила.

Следующим шагом было снова прочитать рукописи и составить новое общее расположение материалов, касающихся предметов, идущих в разделы о космогонии и антропологии, которые и составят первые два тома труда. Когда это будет завершено, и после консультаций с Блаватской будет получено её утверждение, вся рукопись, переформированная и профессионально перепечатанная на машинке, будет вновь вычитана, исправлена и сравнена с оригиналом, а зетам нами будут вставлены все греческие, ивритские и санскритские цитаты. Тогда казалась, что все комментарии к станцам не составят более двадцати страниц или около того, так как Блаватская, когда писала, не следовала очень близко их тексту. Так что мы серьёзно поговорили с ней и предложили ей написать соответствующий комментарий, и во вступительных словах она пообещала читателям сделать это. Её ответ был характерным: «Да что такого я должна сказать? И что вы хотите понять? Разве это не так ясно, как нос на вашем лице?!» Но нам это не было так очевидно, а она не хотела, или делала вид, что не хотела объяснять, так что мы удалились для размышлений.

Здесь мне пожалуй лучше будет пояснить, что осенью 1887 г. — в октябре, если я правильно помню, — мы все переехали в Лондон, на Лэнсдаун роуд, 17, где к нам, занимавшимся основанием первой штаб-квартиры Теософического Общества в Лондоне, присоединилась графиня Вахтмайстер, которая с тех пор, как Блаватская покинула Остэнде, была в Швеции. Во время нашего пребывания в Мэйкоте был основан журнал «Люцифер», который сначала издавался Дж. Рэдвэем; Блаватская всё время писала свои статьи, а также обратилась к написанию дальнейших рукописей для «Тайной доктрины». Эта и другая работа Т.О. требовала присмотра, и как заместитель редактора «Люцифера» я был занят полностью, так что потребовалось много недель, прежде чем проблема комментариев к станцам была окончательно решена; думаю, это произошло уже после переезда на Лэнсдаун роуд.

Решение было следующим: каждая шлока станц писалась (или вырезалась из машинописной копии) и наклеивалась в начале листа бумаги, а на другом листе, приколотом к нему, были написаны наши вопросы по шлоке. В этом нам очень помог Ричард Харт, и значительная часть вопросов была придумана им. Многие из них Блаватская вычеркнула, заставив нас писать более полные объяснения, или как бы наши собственные идеи того, чего ожидали от неё читатели, писала побольше сама, вставляла то немногое, что она уже ранее написала по данной шлоке, и так работа была сделана.

Но когда мы стали подумывать об отправке рукописи в печать, обнаружилось, что при её виде даже самый опытный наборщик стал бы в ужасе рвать на себе волосы. Потому мы с А. Кийтли засели за печатную машинку, попеременно диктуя и печатая, и сделали чистовую копию первых частей томов I и II.

Затем продолжилась работа над вторыми и третьими частями каждого тома, которая продвинулась уже далеко, и мы уже могли думать об отправке труда в типографию.

Первоначально была договорённость, что печатать его будет Джордж Рэдвэй, но его предложения не были удовлетворительны в финансовом плане. Друг Блаватской предложил нужные деньги, и решили, что издание «Люцифера» мы возьмём в свои руки. Так что был нанят офис на Дьюк стрит, и там началось дело, главной целью которого было помочь Т.О. извлечь из трудов Блаватской как можно больше пользы.

О дальнейшей истории «Тайной доктрины» мне немного остаётся сказать, хотя впереди были ещё месяцы тяжёлого труда. Блаватская прочитала и выправила два набора гранок, затем целых страниц, и наконец просмотрела целые напечатанные листы, поправляя, добавляя и изменяя всё до самого последнего момента, в результате чего счёт типографии за одни только исправления превысил 300 фунтов.

О феноменах, имевших место в связи с «Тайной доктриной», я мало что могу сказать. Но цитат с полными ссылками из книг, которых в доме никогда не было (проверка которых требовала иногда часов поисков редкой книги в Британском музее) — таких цитат я видел и проверил немало.

Проверяя их, я иногда обнаруживал любопытный факт — цифры в ссылках местами были написаны задом наперёд, например 321 вместо 123, иллюстрируя зеркальное отображение предметов, когда они наблюдаются в астральном свете. Но кроме этих примеров яс-

новидения, я не засвидетельствовал никаких необычных явлений, непосредственно связанных с созданием «Тайной доктрины».

В заключение я не должен умолчать о ценной помощи, оказанной Э.Д. Фосеттом. До того, как я отправился в Остэнде, он переписывался с Блаватской, а позже работал с ней и для неё над книгой на Лэнсдаун роуд. Он дал ей многие цитаты из научных трудов, равно как и многие подтверждения оккультных доктрин из подобных источников. Любой отчёт о том, как была написана «Тайная доктрина», было бы неправильно оставить без упоминания его имени, и хотя я не сделал этого в правильной хронологической последовательности, я исправляюсь теперь.

О ценности этого труда в конечном счёте будут судить наши потомки. Лично я могу засвидетельствовать свою глубокую убеждённость в том, что ценность «Тайной доктрины», если она не будет рассматриваться, как откровение, а будет пониматься и усваиваться, и из текста её не сделают догму, окажется неисчислимой, и она даст такие намёки, ключи и путеводные нити к изучению Природы и Человека, каких никакой другой труд не может дать.

НОВОСТИ КНИГОИЗДАНИЯ

В издательстве «Рипол-классик» совместно с издательством «Прогресс» вышло второе издание книги М. Чаттерджи и Л. Халловэй «Человек: фрагменты забытой истории». От первого его отличает то, что в нём учтены поправки, внесённые Е.П. Блаватской для второго издания. Поскольку второго английского издания по всей видимости так и не было, замечания Блаватской оформлены в виде сносок, за исключением тех мест, где они были в пределах нюансов перевода и уточнения смысла.

Издательством «Рипол-классик» совместно с издательством «Прогресс» выпущена книга Анни Безант «Древняя мудрость». В этом издании по сравнению с предыдущими исправлены некоторые опечатки, в т.ч. и смысловые (похожие по звучанию слова и т.п.)

В издательстве «Анатана» вышла книга Н. Стайковой «Живая Вселенная», цель которой — синтез теософии, эмбриологии и астрофизики. В ней показана аналогия между развитием зародыша человека в материнской утробе и формированием галактик во вселенной.

В издательстве «Рипол-классик вышла книга Ч. Ледбитера «Скрытая сторона вещей» (переиздание).

В издательстве «Эксмо» вышла книга Мэри Нэф «Личные мемуары Е.П. Блаватской», представляющая собой подробную её биографию (переиздание).

ПОПРАВКА

В №3 в статье Л. Ньюи «Электрические боги» на с. 23 по вине редакции была потеряна нижняя часть таблицы, находившаяся под рисунком. Она указывала на эффект каждого из трёх аспектов:

Эффект:

Удержание в форме	Атомы — в форму	Приспособляемость
Удаление	Развитие сознания через контакт и утончение	
Синтез духов в форме		

Леонид Володарский

ВЫСОКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Высокое Присутствие, Ты всюду:
В горе и в мыши, в лике и в листе,
В лесу живом и в роще на холсте.
В Тебя не верят разве только те,
Кто получил сердечную простуду
И сердцем от нее за миг ослеп.
Да не преломим вместе с ними хлеб!
Да не пойдем в поводыри к незрячим!
Мы путь свой Вечным Светом обозначим,
И, значит, сами Вечность обретем.
Высокое Присутствие, ТЫ — «ОМ»,
Священный звук, что в каждом звуке слышен.
И я благодарю горсть спелых вишен
За то, что и она не просто так
Лежит сегодня на моей ладони.

ВЛАДЫКЕ СЕН-ЖЕРМЕНУ

Владыка Сен-Жермен, бессмертный венгр,
Тебе своею кармою я вверен.
И века восемнадцатого блеск
Мне виден сквозь чудовищный гротеск,
Который мы назвали веком нашим.
Мы так пьяны, что лыка мы не вяжем,
Но свет лети ко мне, Твой трезвый свет!
И, протрезвев и бросив Интернет,
Я обращаю взор к твоим ретортам.
И чувствую себя, как прежде, гордым
Из-за того, что я с Тобой опять.
И вот седьмая взломана печать.
И золотом становятся гроши.
И путь открыт в алхимию души.

Любовь Кривич

СЛУЖЕНИЕ

Под знаками Созвездия Венца
Сияет Замок, из Лучей сплетенный.
В нем множество ручьев сереброзвонных
Скрывает отражение лица.
Они текут среди сиянья стен,
Собой Лучи невольно омывая,
Сливаясь с ними без конца и края,
Вбирая звон созвездий и поэм.
Среди Лучей таится мир Цветов,
Они растут из стен и ниоткуда;
Их аромат — Таинственное Чудо,
Их аромат — Священная Любовь.
И в Замке Света есть Хрустальный Шар,
А в нем горит Сиреневое Пламя.
На Шаре золотыми письменами
Написан Знак — Планеты Высший Дар.
На тонкой плитке цвета серебра
Покоится тот Шар, кипя огнями,
Но в нем — Неопаляющее Пламя,
В нем — звездная гармония Добра.
А рядом с Шаром — строгий постамент
Из розового светлого гранита;
На нем стоит, от любопытных скрыта,

Серебряная Чаша… Синий свет
Исходит от рубинового сока,
Что в Чаше пребывает неглубокой.
И в этот Зал приходят Те, Кого
Поэт назвать по имени не смеет,
Чьи Лики будто нежно пламенеют, —
И Замок весь звенит от Их шагов.
Они творят Причастие Огнем
И ткут Лучами Света Покрывало,
Напитывая Силой Небывалой
Весь Мир, хранимый Ими ясным днем.
Их ночь — Молитва Огненной Любви,
Дарующая Творческую Силу.
Им ведомо всё то, что в Мире было,
Но Их Пути — к Сиянию Зари.
…Созвездие Тернового Венца
Хранит Мистерий Сокровенных Тайну.
В Прекрасный Замок не войти случайно…
Вода хранит сияние лица,
В себя приняв земные отраженья…
Любовь. Преображение. Служенье.

Светлой памяти … посвящается.

МУРТИ

Сотворяю тебя из восточного танца,
Из сиреневых звонов огней легкокрылых.
Нам однажды с тобою придется расстаться,
Чтобы снова родиться под общим светилом.
Освящу я тебя смесью меда и масла.
А молочные капли возьму из амриты:
Ведь светильники веры во мне не угасли,
Ведь крылатые сны до конца не забыты.
Я вдохну в тебя жизнь древней мантрой чудесной,
Прикасаясь к тебе нежной сердца струною.
Ты раскинешь крылà, и, ликуя, воскреснешь,
И, быть может, опять разминешься со мною…
Ты опять улетишь, и меня не узнаешь,
И закружишься в танце огней легкокрылых.
Но сегодня ты в Храме Сокрытом сияешь
И его наполняешь Священною Силой.
Сотворяю тебя… Сотворенного Богом.
И, окутав мечтаний гирляндой цветною,
Я рассыплю цветы для тебя на дорогу
И рассыплюсь на искры Любви и Покоя.

Ирина Ковалёва

* * *

Я спать ложусь, и кошка следом
Клубком свернется и мурлычет,
Пригревшись рядышком под пледом
В зачёт уюта, а не вычет.

Пусть вьюга буйствует в исподнем,
Зеницей скрыта суть под веком.
Я стану ангелом Господним,
А кошка станет человеком.

Разгонит мрак огнём в пещере,
Изобретёт автомобили.
Но будут лучше наши звери
Людьми, чем мы когда-то были.

Они к вражде не устремятся,
И не наполнят чашу ядом,
И никогда не усомнятся,
Что мы витаем где-то рядом.

Георгий Авруцкий

* * *

Когда закончим путь земной
Мы с Борей оба,
Скажу ему: «Смотри, родной —
Есть жизнь за гробом».

И Боря схватится за лоб,
Зальётся краской:
«Зачем я, старый остолоп,
не верил сказкам?

Теперь я вижу — есть тот свет,
Проблема снята.
Но Бога здесь ведь тоже нет.
Всё придурь чья-то».

* * *

«Я» — это наша дорога.
«Я» — это наш путь.
Но, к сожаленью, немного
Мы знаем про нашу суть.

Закон ли здесь есть подводный
Или дефект в судьбе.
Мы знаем о чем угодно,
Но только не о себе.

Есть малое «я» — для мира,
Которое в нем вращается.
Меняет друзей, квартиры,
Рождается, женится, мается.

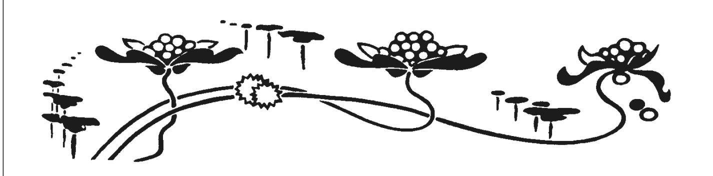
Гоняется за удовольствием,
Хоронит родителей, плачет
Копит на старость довольствие,
Копает грядки на даче.

Ищет везде наслаждения,
Себе иногда врет,
Гордится всяким умением,
Пишет картины, поет.

Учится жить на свете,
Морщины растит в лице,
Стареет, опять же дети.
И помирает в конце.

А «Я» другое, глубинное
За этим всем наблюдает.
Если игры полезные
Энергию отпускает.

Следит за жизненной повестью,
Молча свое гнет,
И лишь иногда совестью,
Тихонько что-то шепнет.

Вестник Теософии (эзотерический альманах). Тираж 150 экз.
Адрес редакции:
Московская область, 143500, а/я 77. E-mail: mto@theosophy.ru